

A close-up portrait of a young woman with long, wavy, light brown hair and blue eyes. She is looking directly at the camera with a neutral expression. The lighting is soft, highlighting her features.

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

16+

Олли Вингет

#МЕЖДУ ОГНЕЙ

САМЫЕ НАШУМЕВШИЕ КНИГИ РУНЕТА

Annotation

Город пал, отправляя Вестников в долгий путь между небом и землей. И пока пепел обнажает страшные тайны пустыни, Алиса, принявшая венок Жрицы, борется с памятью предков, сдерживая гнев Рощи. На плечи ей ложится тяжелый груз — жизни друзей и всего мира зависят от ее выбора. Доберутся ли Вестники до оазиса, чтобы воды вернулись в сожженный край? Силы, канувшие в Огонь, возвращаются из небытия, чтобы последняя битва расколола небо надвое. Но пока из-за песчаных гор раздается зов Крылатого Дерева, жива и надежда — единственное, что им осталось.

Олли Вингет

Между Огней

Олли Вингет — автор романа «После Огня» и его продолжения «Между Огней».

Корчится небо кровью, темнеет страх,
Гарью пропахли сердца в груди раскаты.
После огня остаются зола и прах,
Что мы оставим после себя, Крылатый?

— Мы должны вернуться.

Алиса стояла на самом краю Гряды, позволяя горькому ветру стегать ее по лицу. Принесенные им с сожженных просторов песчинки царапали разгоряченные щеки и налипали там, где на коже еще блестели соленые дорожки слез.

— Мы должны вернуться! — еще громче повторил кто-то из близнецов, чьи голоса Крылатая так и не научилась различать. — Там остались раненые... Наши Братья остались там!

Алиса молчала, заставляя себя глубоко вдыхать прогорклый воздух. Внутри нее бушевало пламя. Жгучее, дикое желание побуждало ее вернуться назад, на улицы Города, вопя и рассыпая проклятия, чтобы до исступления топтать ногами сухие останки Правителя.

— Эй... — Кто-то осторожно дернул ее за рукав, но она не обернулась. — Послушай, в Городе нужна наша помощь. Там раненые, там паника, кто-то должен им помочь.

— Мы поможем им всем, если продолжим путь, — сдерживая дрожь в голосе, ответила Алиса.

— Они истекают кровью. — Гвен потянула ее за руку, разворачивая к себе лицом. — Люди как с ума посходили, ты же сама видела! Они... они рвали друг друга голыми руками... — Болезненная гримаса исказила лицо девушки, но она не отвела требовательного взгляда от Алисы. — Нужно понять, что случилось. Нужно помочь Братьям... и остальным.

Последнее слово далось ей с заметным трудом.

Алиса оглянулась. Вестники сбились в кучу на голых камнях. Никто не решился зайти в сторожевой домик, разжечь костер, вскипятить воды. Они продолжали сидеть, обдуваемые ветром со всех сторон, уставившись на линию горизонта, где бурая пустыня почти сливалась с небом.

Юли прижимала лицо к коленям, она уже не плакала, только тонко скулила, как побитый зверек. На спине ее покоилась ладонь Лина. Алиса попыталась поймать его взгляд, но Крылатый будто не замечал ничего вокруг, рассматривая камешки у своих ног в тяжелых ботинках.

— Ты меня слышишь? — Гвен требовала ответа хриплым голосом, напрягая и без того сорванное горло.

— Надо лететь, — мрачно сказал стоявший в паре шагов от нее близнец, поправляя лямки рюкзака. — Ты как хочешь, а мы полетим, да?

Вопрос повис в воздухе. И только порывы пустынного ветра поспешили на него ответить.

— Нам нельзя возвращаться, — наконец проговорила Алиса, во рту у нее пересохло, слова царапали горло. — Люди не в себе. Нужно время, чтобы они... осознали.

— Откуда ты знаешь? — не отступал Трой.

— Я... я видела это. Старик был полон силы, он захлестнул ею всех... Подавил людскую волю своей.

— Отчего же Братья не лишились рассудка? — Освальд перекатывал в ладони гладкий камешек, не глядя на Алису. — И мы. Почему мы не подчинились ему?

— Не знаю, — призналась Крылатая. — В нас есть собственная сила, наверное, дело в этом. Принудить нас тяжелее. Но... Никто даже не сопротивлялся. Старик будто одурманил

Братьев, ни один не попытался взлететь... Они просто стояли.

— Ты хочешь сказать, нас растерзают, если мы вернемся? — Голос Троя звенел, как тетива арбалета.

Алиса кивнула:

— Им нужно время. Уверена, Братья уже очнулись.

— Если хоть кто-то из них выжил, — заметил Освальд.

— Я видела Дейва, — ответила ему Алиса, почти не кривя душой.

В последний миг перед тем, как шагнуть за Черту, она и правда увидела коренастую фигурку, которая поднималась с земли, вся грудь Крылатого была обагрена кровью, но своей ли, девушка не знала.

Освальд встрепенулся, будто тяжесть, давившая ему на плечи, разом уменьшилась.

— Ты не врешь? Ты правда его видела?

Алиса сумела выдержать его острый взгляд, не дрогнув.

— Я обещала не лгать тебе, брат. Я его видела. Он сумеет взять Город в свои руки, Дейв справится, ведь так?

— Если у нас и осталась надежда, то только на него, — уверенно кивнул Освальд.

— Наша главная надежда там, за Грядой, а до цели дни и дни пути, — напомнила Алиса, обращаясь к каждому. — Теперь мы Вестники. Нет ничего важнее, чем добраться до оазиса.

— Есть ли смысл? — Трой подошел к самому краю, легонько раскачиваясь на носках. — Может, в Городе и спасать уже некого. Да если и есть, старик умер, Братьев почти не осталось, люди совсем обезумели, а Фета...

За спиной у него раздался сдавленный всхлип, полный такой горечи, что Крылатый запнулся на полуслове. Имя старухи повисло в воздухе.

В дурмане вспыхнувшей битвы и чужой воли они неслись до самой гряды, не оборачиваясь, не смотря по сторонам. Горький ветер трепал волосы, засыпал песком глаза, полуденное солнце слепило их, не давая оглядеться. Да и нужно ли было всматриваться в искаженные страхом знакомые лица? Кто мог подумать, что рядом летит еще один Вестник, к тому же Лин старательно заслонял его от случайных взглядов.

Но таиться дальше было невозможно. На узкой площадке у сторожевого дома не спрятать рыжеволосую девочку, что протяжно скулит, как раненая лисичка. Алиса шумно выдохнула и прикрыла глаза. Разрешая Юли лететь с ними, она понимала, как трудно будет объяснить остальным, почему незнакомая девчонка вдруг обрела крылья, если никто и не слышал о ней, не видел, как она проходила испытание, не праздновал ее посвящение, не учил шагать с Черты. Но этот долгий разговор должна была вести Фета, с ее умением сплетать слова так умело, говорить с такой силой убеждения, что слушающий и не замечал, как легко соглашается с ней.

Только Феты больше не было. Алиса до сих пор чувствовала на своем лице жар серебряного пламени, вспыхнувшего на кончиках старых пальцев старухи, чтобы пожрать Правителя и Жрицу вместе с ним. Этот миг неудержимого ликования силы Роши стал для Крылатой предостережением. Вот как поступило Божество с той, кто служил ему долгие годы огня и пепла. Вот как поступит Алан и с ней, если она ошибется.

— Святые Крылатые! А это кто? — голоса близнецов сплелись в один, полный изумления.

Алиса открыла глаза.

— Это Юли, внучка Феты. — И, не давая следующему вопросу прозвучать, прибавила: — Она росла в учении Лекарей и полетит с нами, чтобы служить Роще.

— Полетит? — Освальд поднялся, не отрывая глаз от сжавшейся в тени Лина Юли, и подошел к Алисе. — Значит, у нее есть крылья...

— Нет, брат, она пришла от самого Города сюда пешком, — не удержалась девушка, подавляя волну раздражения.

Этот разговор был бессмысленным, каждое мгновение, проведенное здесь, пульсировало в висках. Им надо было лететь, не останавливаясь на ночлег, нестись вперед, над песчаными холмами и скалами, чтобы предстать перед Аланом как можно скорее. Это желание бурлило в ней, и не поддаваться ему было почти невозможно, пусть в таком нетерпении и ощущалась чужая воля.

— Я же сказала, Юли — Лекарь. Вместе с ней мы сумели исцелить Лина. Но если она доберется до Роши, моя помощь больше не понадобится. Ей нужно в оазис, всем нам нужно туда.

И тут Освальд захохотал. Он смеялся, уткнувшись лицом в ладони, не замечая, как отшатнулись от него остальные.

— Девочка, ты манишь нас туда, как детишек манят сладостями, — успокоившись, сказал он. — Но самое забавное, что у нас просто нет иного выхода. Откуда старик мог взять столько силищи? Из медальонов. Сколько их осталось в Городе? Боюсь, что не осталось совсем. А без Крылатых все мы сдохнем от голода, если охотники раньше не растащат нас по костям. Скажи мне, Жрица, там, в оазисе, мы сможем найти живую кору?

Перед глазами Алисы на мгновение появилась картина ущелья с его валунами, поросшими мхом, с тонкой лентой ручья и Деревом, таким юным, вряд ли способным поделиться силой, которая в нем спит. Но Освальд ждал ответа, и Крылатая кивнула ему, в глубине души надеясь, что за дни их пути Алан успеет впитать память предков достаточно, чтобы выполнить обещание, переданное ею Братьям.

— Выходит, слова о возвращении в Город — пустая трата времени, — сказал Освальд, поднимаясь с камней. — Ты хранишь в себе много тайн, Алиса, пускай все они остаются на твоей совести. Но, видит Роща, к которой мы летим, если ты лжешь нам... в мире останутся только песок и пепел. — Он подхватил рюкзак и пошел к дому со словами: — Полетим завтра, скоро стемнеет, а лишняя ночевка в скалах нам ни к чему.

Юли забилась в дальний угол маленького сторожевого дома. Темные стены, сложенные из камней, хранили в себе тепло уходящего дня и согревали приятно уставшее после стремительного полета тело. Но самого полета Юли почти не запомнила. Перед глазами расплывались темные круги, а сердце сжимала в когтистой лапе невыносимая тоска случившегося горя.

В то мгновение, когда Фета вспыхнула серебряным пламенем, Юли услышала, как обрывается натянутая между ней и бабушкой струна. Этот звук, явственный и тонкий, отозвался в ней такой неопишуемой болью, что Юли даже не прочувствовала ее до конца. Словно бы весь мир озарился из самого своего нутра холодным серебром с единственной целью — ослепить ее.

А потом они с Лином долго летели куда-то, ей запомнилось мельтешение серых песчинок и небо, что высилось над ними огромным куполом. От пепла, которым наполнился воздух, горчило во рту, и Юли казалось, что боль пропитана горьким вкусом.

Юли была готова рухнуть на землю, лишь бы оборвать нестерпимый звон в ушах, усиливающийся с каждым мигом. Это ей представлялось самым легким, самым правильным решением — ослабить крылья, что так умело ловили ветер, крепко зажмуриться и камнем рухнуть вниз, утонуть в песке, позволив ему сломать ребра, проникнуть внутрь нее и засыпать ее сердце.

Но крепкая рука, теплая и живая, увлекала ее вперед. Лин не оборачивался, только изредка поглаживал большим пальцем девичью ладошку. Он летел и летел, помогая держать высоту, ободряя, вселяя надежду. В этом новом мире, где властвовала ослепительная боль, не было бабушки, не было привычного закутка в старом лазарете, здесь хозяйничал горький ветер, а песок царапал и колол кожу лица. Все здесь было иначе, чем ей мечталось. Одна лишь рука, влекущая Юли за собой, вселяла в нее надежду.

Но, переступив вслед за остальными порог дома, она вновь оказалась один на один со своей болью.

Лин принялся разводить огонь в очаге, тихо переговариваясь со смуглым пареньком; кажется, они чуть слышно смеялись, подначивая друг друга. Рядышком пристроилась девушка, такая же темненькая и ладная, даже короткой стрижкой похожая на брата. Она с улыбкой слушала разговор, но на лице ее все равно читалась растерянность, даже озабоченность.

На узком лежаке улегся мужчина с косматой, жесткой бородой, он безучастно разглядывал низкий потолок. Юли показалось, что, сделай он одно резкое движение, и рубаха, обтягивавшая его сильные руки, лопнет по шву.

— Ты бы не прохлаждался, Сэмми, — обратился к нему Лин. — Принеси воды. Помнишь, где тут колодец?

Тот кивнул, нехотя поднимаясь, и лежак под ним жалобно заскрипел. Тяжело топая, мужчина прошел мимо Юли, даже не взглянув на нее. Из приоткрытой двери дохнуло холодом остывающих камней. Близилась ночь. Первая за Чертой. Первая вне стен лазарета. Первая без бабушки.

Юли поежилась, ей даже хотелось, чтобы кто-нибудь подошел, начал расспрашивать о крыльях и Лёкарстве. Она не представляла, что сможет ответить на все их вопросы, но равнодушные, нарушаемое лишь редкими озабоченными взглядами в ее сторону, пугало девочку еще сильнее.

У двери высилась гора рюкзаков, в самом аккуратном из них сосредоточенно копалась еще одна Крылатая. Юли заметила, как быстро краснеют ее щеки, как отливают медью пряди длинных волос, выбившиеся из тяжелой косы, а она не спешит откинуть их, продолжая искать что-то в глубине походной сумки.

— И что же ты потеряла, Сильви, уж не свои ли дорогие корешки и снадобья? — Тот, кто спорил с Алисой на камнях Гряды, теперь медленно подступал к новой жертве.

— Перестань, — девушка дернула плечом, запуская руку к самому дну рюкзака. — Я все подготовила, даже не надейся.

— Ну, хоть кто-то может этим похвастаться.

— Зачем ты так с Алисой? — Сильвия понизила голос, но Юли все равно расслышала ее недовольный шепот. — Сейчас мы все зависим от нее...

— Я не люблю ни от кого зависеть, ты сама это знаешь.

Девушка грустно улыбнулась.

— Как бы ты ни старался, Вожаком тебе здесь не стать, Освальд.

Сильвия наконец отыскала в рюкзаке нужный сверток, победно потрясла им в воздухе у самого носа Крылатого и пошла к очагу. Мужчина проводил ее взглядом, и Юли сумела прочесть в нем смутную тоску: так смотрят на что-то некогда желанное, но успевшее наскучить. Заинтересованная чужой беседой, девочка оттолкнулась от стены и этим привлекла к себе внимание.

Освальд повернулся к ней, их глаза встретились. Миг растянулся на целую вечность, Юли показалось, будто она тонет в чужой воле, которая проникает в самое ее нутро. Она и не заметила, как мужчина оказался совсем рядом, присаживаясь у той же стены.

Он провел рукой по безволосой голове, блестящей в свете разгоревшегося огня.

— Значит, ты внучка Феты? — наконец сказал он.

Юли взглянула на Лина, надеясь на его поддержку, но тот помогал Сильвии подвесить тяжелый котелок над огнем. Алисы в домике не было, она все еще стояла снаружи, вглядываясь в темнеющее небо.

Юли беспомощно кивнула в ответ.

— Ни разу тебя не видел, девочка. А я долго прожил в Городе. Почему?

— Я росла в лазарете, — проговорила Юли хриплым от плача голосом, чувствуя боль в раздраженном песком горле. — Бабушка ограждала меня... ото всех. Для ученичества.

Она сама понимала, какой нестройной выглядит ее ложь, но мысли путались, а сердце отбивало сумасшедший ритм, и придумать что-то иное, правдоподобное, понятное она не могла.

— Летать тебя тоже бабушка научила? — равнодушно произнес Освальд.

Щурясь, он смотрел на огонь, всполохи которого превращали его лицо в перекошенную маску. Юли не знала, что ответить, но мужчина терпеливо ждал.

— Нет, я сразу сумела. Крылья выросли... и я полетела.

— Просто взяли и выросли?

— Да. Однажды.

— Крупно же тебе повезло, девочка. И как вовремя. — Освальд растянул тонкие губы в подобии улыбки.

Они помолчали, Юли чувствовала, как медленно стекает холодный пот у нее по спине, струйкой между двумя бугорками спящих крыльев, втянувшихся внутрь тела.

— Я расскажу тебе одну историю, милая. — Голос Крылатого доносился словно издалека, но девушка не осмелилась склониться к говорящему. — Давно, две дюжины лет назад, Братство было другим. Вожаком был лучший из нас, Хэнк, сильный и умный, он умел воевать, умел пить и любить женщин. А еще он верил в Братьев так сильно, как не мог себе позволить.

Освальд вытянул ноги, опершись спиной на каменную кладку. В это мгновение он выглядел так, словно вокруг не существовало ничего кроме памяти, захлестнувшей его с головой.

— Он верил в силу долга, клятв и Закона. Он мечтал увидеть этот мир возрожденным и делал все, чтобы так и случилось. Будь Хэнк нашим Правителем, кто знает, возможно, Роща нам и не понадобилась бы сейчас. Мы бы сделали людей свободными, не привязанными к медальонам и Дереву. Но, сколько бы Огонь ни обращал человека в прах, гниль людской

души живуча. Хэнка предали и казнили, девочка. Повесили на площади, и его тело оставалось там, пока гнусные песчаные твари, летучие и ползучие, не растащили его останки. Нам даже не позволили его похоронить.

Юли застыла, с ужасом понимая, почему Крылатый решил поведать ей эту историю.

— А предатель стал Вожаком. — Освальд тихо засмеялся, поглаживая голову пятерней. — Ему вообще везло в этой странной жизни. Лучшая женщина выбрала его из всех нас, уж поверь, каждый мечтал звать ее своей. Когда закрываю глаза, я могу представить ее волосы, копну непослушных кудрей, мягких и нежных. Однажды она целовала меня, не всерьез, конечно, но я помню этот день лучшим в своей жизни. Жаль, но предатель завлек ее, чтобы, наигравшись, бросить одну. Улетел на поиски славы, и куда? Сюда, девочка! Он сбежал на Гряды от своей жены. А она, влюбленная, как дикая зверица, гордая, покинутая, умерла с его именем на губах.

Юли едва дышала, впитывая каждое слово, что тяжелой водой ронял Освальд.

— Говорят, она ушла в мир иной, так и не родив предательского ребенка. А может, и родила, да он умер, так и не сделав первый вдох. А может, и сделал, но тут же покинул этот мир. А может, и не сразу, кто его знает... — Мужчина отвернулся от огня. — Но дитя должно было умереть, иначе почему никто не слышал о нем столько лет? Где в Городе можно спрятать растущего выродка Вожака? Нигде.

Освальд смотрел на девушку в упор, и взгляд его обдавал ее ледяным холодом.

— Если только в лазарете. Сумасшедшая бабка с ее отварами, захлебывающиеся собственной кровью люди, страх, смерть... Никто не решился бы вызнать, что творится за стенами. Так скажи мне, внучка Феты, росло ли там дитя предателя?

Юли не шелохнулась.

— Молчишь? Хорошо. Молчи. Я все вижу без твоих лживых слов. Эти волосы, — он дотронулся до растрепавшихся девичьих кудрей, — эти скулы, эти глаза. Я вижу в тебе ту женщину и вижу того предателя. Не говори мне, что крылья выросли у тебя за спиной в одночасье молитвами бабушки...

Он легко вскочил, обрывая свою речь так, словно ее и не было. Юли медленно подняла глаза и увидела, что к ним подошла Сильвия.

— Пойдем, — сказала та, протягивая руку Освальду, — поможешь нам.

Мужчина молча двинулся к очагу. Мягкая ладонь Сильвии осталась висеть в воздухе, девушка болезненно поморщилась, но, взглянув на Юли, улыбнулась:

— Не бойся его, ты под защитой Алисы, а значит, никто тебя не обидит. Сейчас приготовим похлебку, поешь и ложись спать. Завтра предстоит долгий путь.

Юли благодарно выдохнула, неожиданное тепло в голосе девушки растопило лед, сковавший все ее естество. Она откинулась на стену, почувствовав спиной какую-то неровность на кладке. Девочка повернулась. В мягком свете очага старые камни загадочно мерцали, будто само время, живущее в них, испускало слабое сияние.

Юли провела кончиком пальца по символу. Кто-то очень давно выцарапал его в камне, наверное, коротая так одинокие вечера, свободные от дозорной службы. Тонкая, неровная бороздка под наклоном встречалась одним концом с другой точно такой же. Похожие на наконечник стрелы, обе они соединялись посередине, как переключателем, еще одной бороздкой.

Девушка гладила ладонью теплый камень, чувствуя, как отпечатывается на коже чье-то далекое послание. Сухой голос Освальда еще звучал в ушах, перекрывая собой шум боли, что

прибоем билась в сердце. Гнусный предатель, ставший Вожаком. Лучшая женщина, выбравшая его из многих, чтобы умереть в одиночестве, пытаюсь родить дитя. Не кривил ли душой Освальд? Не чувство ли отвергнутости диктовало ему эти страшные, тяжелые слова? И как поступит он теперь, раскрыв тайну дочери предателя? Юли не находила ответа. А у бабушки, которая всегда готова была поделиться мудростью, его теперь не спросить.

Но даже слова, полные злобы и презрения, приближали Юли к родителям, делая их живыми и настоящими. И пусть в памяти Освальда отец ее оставался виновным в страшных грехах. Пусть мама была для него женщиной, сделавшей неверный выбор. Но они существовали на самом деле, Освальд их помнил, говорил о них, злился, как могут злиться лишь на тех, кто когда-то жил на этой земле.

— Томас, — прошептала Юли, покрываясь мурашками, — Анабель.

Когда имя матери сорвалось с ее языка, она вдруг поняла, по какому символу скользят ее пальцы. Выскобленная тупым ножом, неровная буква «А» выделялась на старом камне.

Всхлипнув, Юли прижалась к нему щекой. На один бесконечно долгий миг ей показалось, будто камень стал мягкой женской ладонью. Материнской ладонью, дарующей такое тепло и нежность, что боль наконец отступила, и Юли ощутила желанный покой.

— Эй, — голос Лина прогнал морок, и камень вновь оказался камнем. — Пойдем, тебе надо поесть.

Он с силой потянул ее за руку, и все, что оставалось Юли, это подчиниться его воле.

Алиса шагала вдоль кромки гряды, скидывая мелкие камешки вниз. Проводив взглядом Вестников, которые, понутив головы, гуськом заходили в дом, она не сумела заставить себя последовать за ними. Поймав удивленный взгляд Лина, девушка лишь кивнула ему в ответ.

Спор с Освальдом был слишком коротким, это мучило Алису недобрым предчувствием. Вместо того чтобы допытываться правды, он отступился так быстро, словно она открылась ему без лишних слов.

Погруженная в тяжелые мысли, Крылатая наблюдала, как резвится на острых камнях Чарли. Он вскидывал вверх свой пышный хвост, чтобы схватить его зубами, но каждый раз оранжевый мех ускользал в самый последний миг. Казалось, что зверек увлечен своей забавой, но от внимательного взгляда Алисы не укрылось, как озабоченно поглядывает на нее лис, украдкой, думая, что она этого не замечает.

Чарли чуял ее смятение, ему хотелось развлечь подружку забавной игрой, и Алиса была благодарна ему за это. Она присела и ласково погладила мягкую спинку. Мех приятно пружинил, а сам Чарли тут же довольно заурчал.

Алиса поймала себя на мысли, что с каждым днем, приносящим все новые беды, она отдаляется от друзей, и только маленький лис понимает ее тонко и точно, даже лучше, чем она сама.

— Хороший зверь. — Низкий голос подошедшего заставил Алису вздрогнуть. — Ох, испугал, что ли? Уж извиняй.

Большой Сэм смущенно поглядывал на нее, в одной руке он держал тяжелое ведро, полное мутной воды.

— Вот, послали, говорят, будут похлебку варить. — Парень шутя поднял свою ношу, хотя

та весила столько, что сама Алиса с трудом оторвала бы ее от земли. — Ты приходи. Если остынет, есть будет невозможно.

Алиса улыбнулась и поднялась. Остывший ужин и полное ведро — это было так просто и так понятно, что ей захотелось рассмеяться. Тяжелые мысли можно оставить и на потом, а посидеть с Братями у огня, вспоминая прошлое, будто ничего и не изменилось с тех пор, было ей необходимо прямо сейчас.

— Я приду, Сэм, спасибо! — искренне сказала она.

Крылатый кивнул и направился в сторону сторожевого дома.

День уже склонился к закату. Тени от скал вытянулись, а солнце почти ушло за горизонт, окрашивая песок в багровый цвет. Воздух медленно остывал, совсем скоро морозная взвесь покроет камни, и так завершится еще один день в сожженном мире.

Алиса глубоко вздохнула и хотела было уже двинуться к дому, но перед глазами вдруг все поплыло. Она неловко взмахнула руками, оседая на землю.

Чарли тут же подскочил к ней, взволнованно уткнулся ей в локоть влажным носом, заскулил и стал заглядывать в глаза девушки, но они уже наполнились серебряным сиянием. Чарли завыл и присел у ног застывшей Жрицы.

«Я буду ждать твоего возвращения, человеческий детеныш. Я всегда буду тебя ждать», — проскулил он.

Но Алиса его не слышала, она лежала в мягкой траве. Маленькие перламутровые жучки ползали у ее лица, собирая мелкие веточки и семена цветущих трав, чтобы унести их в свои жилища.

— Интересно, они знают, что их не существует на самом деле? — спросила Алиса, чувствуя, как Алан уже склонился над ней, помогая приподняться и сесть.

— А хоть кто-нибудь знает наверняка, существует ли он? — откликнулся юноша, усаживаясь рядом. — Здравствуй, Алиса.

Они посидели так, разглядывая друг друга. За дни, что Крылатая провела в пути и Городе, Алан стал шире в плечах и держал теперь спину с особой прямизной, в которой скрывалось осознание внутренней силы. Его волосы были распущены и полны серебряного сияния, он откидывал непослушную прядку с лица, чтобы она не мешала ему смотреть на Алису.

— Ты изменилась, — сказал он с улыбкой. — Ты стала сильнее.

— Я хотела сказать тебе то же самое.

— А разве ты еще не поняла, как мы связаны? Чем сильнее я, тем сильнее ты. Чем больше могущества вмещает твое сердце, тем шире во мне разливается память предков.

Алису обволакивал его голос, переменчивый, дурманный. Она не могла бы сказать, низким или звонким он был, говорил ли Алан плавно, а может, чеканил слова, как Томас. Нет, голос Божества, как и оно само, был сразу всеми голосами, теми, что когда-либо слышала Алиса, и теми, что не существовали вовсе.

«Он един и многолик», — вспомнились ей слова Феты.

— Отпуская тебя к людям, я и не думал, что ты вернешься Жрицей, — продолжал Алан, разглядывая ее.

— Ты сам приказал женщине, служившей тебе столько лет, отдать мне и венок, и силу, — проговорила Алиса, чувствуя, как боль возвращается к ней.

— Так было предначертано. — Юноша потер лоб ладонью. — Я даже не разобрался, как это произошло. Память захлестнула меня, наплатала, насытила... Жрица нужна, чтобы люди

взрастили Рошу. А та старуха... она лишь хранила в себе силу, чтобы передать тебе, как только час настанет. И он настал. Ты не рада?

Алан удивленно смотрел на нее. Он явно не понимал, почему Алиса не разделяет его удовлетворения, ведь все складывалось так, как они с ней задумали.

— Эта старуха... — начала Алиса. — Я знала ее с рождения. Она была добра ко всем, она помогала... Она служила им... тебе долгие годы Огня. Она погибла, помогая нам улететь... Ты сжег ее! — Алиса уже кричала, резко поднимаясь на ноги.

Алан продолжал сидеть, смотря на нее с неподдельным интересом.

— В тебе столько жизни, гнева, страсти. Удивительно! — Он протянул руку, желая дотронуться до нее, но Алиса увернулась. — Хорошо, ты скорбишь, я могу это понять. Но пойми и ты: ее время пришло. Венок прогонял старость и смерть, но выдержать путь до меня, разделить со мной ношу возрождения... в ней просто не было столько силы. Потому появилась ты. Все в этом мире предрешено, теперь ты моя Жрица. Ты ведешь ко мне свой народ, они взрастят Рошу...

— Почему так нужно было убивать ее, превращать в пепел у нас на глазах? Она не заслужила твоей милости? — с мукой в голосе спросила Алиса.

— Она умерла десятки лет назад, сгорела в Огне, понимаешь? Предначертанный путь ее оборвался, но вся сила Роши поддерживала в ней жизнь, чтобы однажды старая Жрица передала венок тебе. Будь она разумней, сохрани в себе остатки бывшего могущества, и смерть ее была бы милосердна и тиха. — Алан вздохнул, пропуская между тонкими пальцами серебряный локон. — Но она решилась на последнюю вспышку, потратив все до самого конца. И превратилась в пепел, да и была им все эти годы. Прости, но это так.

Алиса отшатнулась. Тихий голос, полный явственного сочувствия, что так искусно прикрывало непонимание ее скорби по погибшей Фете, выбил из девушки дух.

— Мне нужно идти, отпусти меня... — шепотом попросила она. — Завтра долгий путь, мы летим к тебе...

— Да-да, конечно, — Алан снова улыбнулся ей, поднимаясь. — Я сумел увидеть, что битва среди выживших унесла слишком много жизней. Они драгоценны, Алиса, помни. Взрастить Рошу, выстроить Город... Вам нужны люди. Постарайся, чтобы больше кровь не проливалась.

Алиса кивнула, пятясь.

— Сделай, как я прошу. И береги себя, Жрица.

Он протянул к ней руку и погладил ладонью по щеке. Волна силы пронеслась через все тело Алисы, она выгнулась дугой и через мгновение почувствовала боль от упирающихся ей в спину холодных камней.

Ночь успела опуститься на гряды. Дыхание превращалось в пар, замерзало на морозном ветру. Рядом с Крылатой спал Чарли, обнимая передними лапками хвост. Она подняла зверьку и осторожно спрятала у себя под курткой.

Когда Алиса проскользнула в дом, Вестники уже спали, устроившись на полу. Очаг давно погас. На грубо сколоченном столе осталась всего одна чашка, полная остывшей похлебки.

Дневные перелеты давались им легко. Размытые тени Вестников скользили по пескам, распугивая редкое зверье, обитающее в пустыне. Ветер исправно подхватывал Крылатых и нес, нес их вперед к песчаной косе, которая когда-то давно, сотню жизней назад, была бушующим, соленым морем.

Алиса пролетала здесь дважды. Томас вел ее через пепел не оборачиваясь, и тогда ей казалось, что Вожак презирает каждый шаг, сделанный ею. Он кривился, слыша любой, даже самый робкий вопрос, и ответом ей было лишь тяжелое молчание. Сколько неодобрения выражала его напряженная спина, когда он взмывал вверх после безмолвной ночевки! Как было догадаться ей, девчонке, что скрывает в себе суровый Вожак?

Крылатой казалось, что в мельтешении песка внизу она может разглядеть тень Томаса, стремящегося к оазису со всеми его тяжкими думами, сомнениями и неизбывной ненавистью к самому себе. Алиса многое отдала бы за возможность поговорить с ним сейчас, когда вся история сложилась для нее в немыслимо печальную картину.

Но Томас был далеко: тело его покоилось в земле у самых корней спящей Рощи, а душа — девушка верила в это — вернулась к той, что ждала его два десятка лет.

Когда Алиса скользила над пустыней во второй раз, дорога ей почти не запомнилась. Дурман силы, совсем недавно наполнявшей ее в крылатом сне, еще мутил сознание, мешая видеть детали. Алан вел ее, не помнящую пути, подталкивал в спину. И, видит Роща, она успела вернуться в самую нужную минуту.

Но вот теперь за ней летели Братья, доверившиеся ее словам, полные надежды на новую жизнь. Страх подступал к горлу Алисы каждый раз, когда она задумывалась, что ждет их там, в ущелье, где растет всего одно Дерево, не ведающее собственной силы. Ответов не было. Были только жаркий ветер да бурый пепел внизу.

Но, ведомая новым, особым чувством Рощи, Алиса таила в себе сомнения, стараясь, чтобы никто, даже Лин, не увидел ее страха. Она точно знала, куда им двигаться, как обходить тяжелые тучи и облетать фронты бурь. Алан вел ее, протягивая невидимую руку, и Крылатая не отвергала ее, понимая, как сильно Вестники нуждаются в помощи Божества.

— Ну и байками же нас кормили все это время! Здесь скукота! — дурашливо крикнул Трой, пролетая мимо.

Он скользнул вбок и ушел в пике, прижав к телу темные, как сама ночь, крылья, превращаясь в плотный кокон из перьев. Секунда, и Трой оказался у самой земли. Заметившая это первой Сильвия сдавленно охнула, но за мгновение до встречи с безжалостным песком Крылатый резко ушел в сторону, расправляя крылья. Он завертелся, подхваченный восходящим потоком воздуха, поднимаясь все выше и выше. Когда его темная фигурка скрылась за пеленой низких туч, Освальд выругался.

— Если это и есть надежда всего мира, Крылатая, то мы обречены, — проворчал он, обгоняя Алису.

Но Трой уже возвращался, громко хохоча. Его грубую куртку намочили крупные капли.

— А если бы ядовитые? — укоризненно сказала Гвен, пролетая мимо брата.

Тот лишь хмыкнул в ответ, отряхиваясь, словно молодой охотник, попавший под свой первый дождь.

— Да видно же, что тучи не грозовые, старушка! — крикнул он вслед удаляющейся

сестре.

Алиса молча следовала за остальными.

— Ну, видно же, скажи им!

Но она только покачала головой, поднимаясь чуть выше, чтобы прикинуть, успеют ли они до заката достигнуть скал, показавшихся на горизонте.

Трой разочарованно огляделся: позади летели еще двое Вестников — насупленный Лин и едва знакомая девочка, на вид совсем ребенок.

— Летим, как на поминки, — сказал он, обращаясь к приятелю.

Обычно Лин поддерживал друга в его забавах, с радостью принимая в них участие. Утащить яйцо из гнезда клыкастой песчаной змеи? Да запросто! Дернуть за кончик отвратного, чешуйчатого хвоста падальщика, когда тот уже намерился вонзить в тебя ядовитые клыки? Еще поглядим, кто кого опередит! Подсыпать Освальду пригоршню жгучего песка в сапоги? Это точно буду я, брат!

Так было от дня посвящения до памятного Слета на площади у домика Вожака. Но чем дальше улетала Алиса от Города, тем мрачнее становился Лин. Братья списывали его хмурость на болезнь, но теперь, когда на лице Крылатого не было смертельной печати лихорадки, что-то иное, куда более сложное, мешало ему разделить дурашливые забавы, которые прежде здорово помогали унять тревогу во время самых опасных вылазок.

— Мы не знаем, куда летим, — ответил Лин, озабоченно оборачиваясь к девчонке, что как приклеенная летела за ним.

Трой разочарованно фыркнул. Юли испуганно поглядела на него, но тут же смутилась и чуть было не рухнула вниз, попав в воздушную яму. Она громко ойкнула, и Лин тут же метнулся к ней и удержал на лету, схватив за локоть.

— Дыши ровно, думай только о дыхании, крылья сами поймают его ритм, — сказал он Юли тоном, больше подходящим молодому отцу.

«Как с ума посходили», — подумал Трой, провожая их взглядом.

Юли слушала озабоченный шепот Лина и поеживалась на ветру. Долгий и изнурительный полет оказался не таким простым делом, как она думала. Порывы ветра сносили ее легкое тело в сторону, песок запорашивал глаза, и она ничего не видела из-за пелены набегавших слез. Щеки ее исцарапали острые песчинки, про волосы, которые пепел превратил в колтун, девушка старалась и вовсе не думать.

Но сильнее всего ее удручала забота Лина. Крылатый летел рядом с ней, постоянно оглядываясь, подхватывая, когда она норовила рухнуть вниз тяжелым мешком, вымученно улыбался и делился хитростями полета, что были известны, кажется, всем на свете, кроме нее.

Но в глазах парня Юли читала тоску, его неимоверно томила необходимость подстраиваться под медленный полет с болезненными рывками. Всем своим существом Лин был впереди, там, где ровно и уверенно скользила по воздуху Алиса, умело лавируя между потоками горячего ветра.

— Не медли из-за меня, — пыталась уговорить его Юли, виновато поглядывая из-под выбившихся кудряшек. — У меня уже получается.

— Я обещал тебе помогать, — отвечал Лин. — Просто не дергайся, ты умеешь, я же видел! Расслабься. Тут на удивление спокойно... в этот раз.

Пустыня и правда казалась умиротворенной. Все ужасы, что с детства впитала Юли из сказок бабушки, обернулись серо-бурой равниной, редко пересекаемой цепочкой следов пустынного зверья.

Во время одного из привалов девушка увидела, как Алиса рисует для Освальда карту тоненькой палочкой на покрытом золой камне.

— Сейчас мы здесь, оазис — вот тут, — она уверенно ткнула в самый край камня. — Нам нужно обогнуть песчаную косу и выйти к скалам. Там на нас с Томасом напали варвары. Я даже не предполагала, что здесь есть кто-то кроме нас...

— Пустыня куда больше, чем путь от Черты до Гряды, — кивнул Освальд, рассматривая карту. — За все эти годы мы так ничего и не узнали о месте, где живем.

— За скалами, — продолжила Алиса, — лежит небольшая равнина, зола и песок, ничего особенного. Но дальше... Нам останется пролететь всего чуть-чуть, и мы достигнем ущелья. Его не видно сверху, надо идти пешком. Оно словно прячется от того, кто не знает о нем. Или не должен узнать.

— Как же старый Вестник разыскал его в таком случае? Или он был... один из таких? — Мужчина многозначительно кивнул в сторону Юли, которая старательно делала вид, будто ищет что-то в бездонном рюкзаке Лина.

— Нет. Он не был таким, как она. Он вообще никем не был. Ему просто повезло, как везет иногда очень плохим людям.

— Что же такого он успел натворить в твоей драгоценной Роще?

— Достаточно, чтобы развеяться по ветру серыми хлопьями пепла, — жестко оборвала его Алиса. — Ты не поймешь...

— Ну, куда уж мне, — проговорил Освальд, пожал плечами и отошел.

Ночевки давались Юли легче изнурительного полета над раскаленными песками. Можно было вытянуть ноги на твердых камнях, кутаясь в спальник. Обычно Юли забивалась в самую глубь пещеры и поглядывала по сторонам, стараясь, чтобы никто не обращал на нее внимания. Впрочем, особо желающих поговорить с ней по душам не находилось. Вымотанные полетом и сомнениями братья разжигали костер, наскоро варили похлебку и ели ее в тягостном молчании.

За долгие ночи, проведенные в палате Лина, вечер у костра Братства начал казаться Юли настоящим праздником. Глупые шутки, поддерживаемые оглушительным хохотом, парочки, уходящие в тень, чтобы наутро лишь улыбаться при встрече, байки о тяжелых вылазках и пустыне, дружеские подначки, хмельная настойка, разговоры о сокровенном до самого рассвета — так рисовалось ей в мечтах время среди Крылатых.

Но вечера в неуютном молчании, когда только Трой пытался лениво шутить, теряя запал с каждой уходящей в тишину фразой, наводили на нее тоску. Каждый сидел на своем месте, вытягивая ноги поближе к огню, и мерно стучал ложкой по выщербленному дну чашки. Алиса протягивала своей лисице маленькие кусочки грибного бруска, а зверек довольно урчал. Освальд затачивал ножи, низко склоняя безволосую голову, на которой дрожали отблески пламени. Сильви не спускала глаз с его сгорбленной фигуры и почти ничего не ела. Сэм обычно занимал половину пещеры и начинал дремать, как только его площадка пустела. Близнецы о чем-то тихо шептались, Лин неотрывно смотрел на огонь. Юли только и оставалось робко переводить взгляд с одного лица на другое и мечтать оказаться в закутке,

пропахшем травами. В бессонные минуты ночевки она мечтала о жизни в старом лазарете, с ее вечной штопкой тряпья и бабушкой, приходящей по ночам проверить лоб внучки, — а вдруг жар?

— Надо было оставить весточку Братьям, — сказала Сильвия, нарушая тишину очередного вечера.

Освальд медленно поднял голову.

— Здесь? — насмешливо сказал он.

— На Гряде. Надо было написать им, что мы были там. Что полетели дальше и что вернемся...

— Сильви, это и так понятно. Если наших останков нет на Черте... и под Чертой — значит, мы улетели. К чему лишние слова?

— К тому, что Братья волнуются.

— Если там и есть кому за нас волноваться, то дел, кроме этого, у них с головой. — Освальд пожал плечами и вернулся к ножам.

— Не говори так, — попросила Гвен, потрянув головой. — Конечно же, в Городе ждут нашего возвращения, и Сильви права, надо было оставить что-нибудь...

— Я оставил, — вдруг ровным голосом произнес Сэм, не поднимая тяжелых век.

— Ты? — Трой даже подскочил на месте. — И что ты оставил?

— Огниво, — так же спокойно ответил великан. — Мое огниво, с буковкой. Оно истесалось, и я его оставил. На столе. Братья прилетят и сразу увидят.

Смех пробежал вокруг костра, и воздух, сгустившийся в пещере, потеплел. Даже Освальд хмыкнул.

— Он вечно все теряет, — прошептал Лин, обращаясь к Юли. — И мы выбили большую «С» на всех его походных вещах, как для ребенка. И надо же, пригодилось.

Он улыбался, легко и открыто, и улыбка делала его лицо совсем мальчишеским и веселым. И очень красивым. Юли захотелось дотронуться до ямочек на его щеках, кончиком пальца провести по скуле, погладить растрепавшиеся на ветру волосы. Она просто улыбалась в ответ, не вслушиваясь в то, что он ей рассказывал.

Но вскоре оживший было разговор начал утихать. Освальд вышел наружу, желая оглядеться, Сильви собрала чашки, чтобы вытереть их насухо и сложить в походной сумке.

— Эх, сюда бы Фету... — протянул Трой, откидываясь на камни, и тут же поймал рассерженный взгляд сестры. — Ох, прости... Юли, да? Я не подумал.

— Ничего, — только и сумела выдавить девочка, сглатывая мгновенно вставший в горле ком.

— Просто мы все ее... любили, да? — продолжил неутомонный парень. — Она приходила к костру и рассказывала всякие байки. Здорово было.

Юли и сама любила истории бабушки. Все эти сказки, полные чудес и добрых сил, способных победить любую беду, вселяли в девочку веру в жизнь куда более захватывающую, чем долгие дни в лазарете. — На мгновение ее захлестнула новая волна тоски — слишком многое ушло навсегда вслед за старой Фетой.

— Особенно я любил про рыцаря и снег. Помните? — Трой смотрел в огонь, словно силясь разглядеть в нем знакомый профиль.

— Не рыцаря, а шамана, — поправила его Юли и сама испугалась собственной смелости.

— Так ты знаешь? — Трой посмотрел на нее через пламя и улыбнулся, как давней

знакомой. — Расскажи, а?

Девушка смутилась, глупо было рассказывать сказку, когда все так напряженно ждут завтрашний день и все те дни пути, которые лежат между этой пещерой и далеким оазисом. Но вокруг зашумели. Просьбу Троя поддержала сестра, Сильви отложила чашки и тоже под села к костру, а Лин ободряюще потрепал Юли по плечу.

— Я не помню точно, но... попробую. — Она вдохнула поглубже, зажмурилась и начала: — Далеко-далеко, и давно так, что можно сказать и никогда, живую землю укрыл снег. Он был холодным и свежим как роса и блестел на солнце, насмехаясь над ним, потому что его лучи были слишком слабы и, сколько бы ни светило, оно не могло растопить снежное покрывало. Снег знал, как он красив. Каждая его мельчайшая капелька, застывшая в небесном кружеве, была прекрасна. Он хрустел под ногами путников, снежинки покусывали их за щеки, твердея на морозе, и падали, падали вниз, словно бы само Божество рассыпало их из своих рукавов.

Юли открыла глаза и огляделась. Никто не смотрел на нее с насмешкой или скукой, кажется, даже Алиса слушала ее историю, задумчиво поглаживая спину лисицы.

— На той земле рос Город. Крылатые жили в нем, добывая себе пропитание в глубоких водах большого озера. Они ловили рыбу, солили ее в высоких кадках, сушили на солнце, варили с ней густую похлебку. Даже пропитанные водой, их крылья были легкими и сильными, потому рыбаки ныряли за добычей и плыли к ней на самое дно, без страха утонуть под тяжестью промокших перьев. Все было так, и все было ладно. Пока не пошел снег. Вначале он сыпал мелкой взвесью, приятно холодившей лица, мгновенно таявшей на ладонях. И никто не боялся. Даже дети со счастливым смехом лепили из него шарики, чтобы бросать в прохожих и убегать, радостно хохоча. Но дни сменялись днями, а снег продолжал сыпаться вниз из прохудившегося кармана небес. Тучи становились все тяжелее, мороз крепчал, и вскоре уже холод пробирал до костей любого, кто решался нырнуть в остывшую воду озера. Вначале его покрывала тонкая пленка, которая с треском ломалась от легкого прикосновения, но чем дальше, тем толще становился ледяной покров и тем больше ударов он выдерживал, не хрустнув.

Юли облизала высохшие губы, помолчала немного и продолжила:

— Когда воды озера сковал холод, люди пошли к шаману. Он был молод, слишком молод, чтобы помнить прошлый снег. Но рыба кисточка указала на него, а кто такой человек, чтобы спорить с ней? Шаман сидел у огня, в его хлипком домике не было теплых шкур и густой похлебки, люди мало верили в его силу, потому не приносили ему подаяний. Шаман грел у огня озябшие руки и думал о кошке, что сидела рядом и требовала еды...

— Расскажи про кошку сначала, — тихо попросил Трой и тут же получил увесистый шлепок от сестры. — Ну там же сначала про кошку!

— Да. Кошка. — Юли помолчала, собираясь с мыслями. — Значит, кошка. Она жила в доме шамана столько лет, сколько помнили себя живущие, может, и больше, да кто скажет. Серая, облезлая, с вечно голодными глазами и проплешиной на боку. Прошлый шаман любил кидать в нее горящие угольки и наблюдать, как она бежит по кругу, силясь затушить тлеющий мех. Так?

Девушка покосилась на Троя, но тот уже лежал на камнях у огня, блаженно улыбаясь. Когда Юли замолчала, он взмахнул рукой: мол, продолжай, — и все засмеялись.

— Так вот. Люди пошли к молодому шаману просить совета. Вначале они робко бормотали что-то о снеге и льде, сковавшем воды озера, но, увидев, как растерянно смотрит

на них шаман, принялись требовать расколдовать небо, чтобы больше оно не просыпалось похожими на звезды холодными кристаллами. Шаман слушал их крики, старательно уворачиваясь от особенно ретивых кулаков, и ума не мог приложить, что же ему делать. Рыбная косточка, указавшая на него, обозналась. В парне не было ни силы, ни мудрости, словом...

— Ничего особенного! — закончила фразу Сильвия, подмигивая Юли.

— Да. — В груди у юной рассказчицы потеплело, в первый раз с далекого дня у Черты. — Ничего особенного. Но люди кричали все громче, и шаману оставалось только одно — хмуро свести брови и пообещать разобраться с проклятым кем-то небом. Когда селяне ушли, парень уже знал, как поступить. В самую темную ночь, когда снег блестел, отражая только собственный холодный свет, шаман вышел наружу, ежась от мороза, и распустил крылья. Его бил жестокий озноб, лететь было некуда, вокруг Города расстилалась голая степь, снежная и мертвая...

— Прямо как наша пустыня... — тихо прошептала Гвен, не отрывая глаз от огня.

— Да, как наша пустыня, — удивленно кивнула Юли, которая никогда раньше об этом не задумывалась. — Шаман шагнул за порог, снег закрипел под ногами. Но в этот миг что-то мягкое потерлось об ногу. Кошка, худая и облезлая, вертелась рядом и поглядывала на него голодными глазами. «Нет, — сказал шаман, — я не возьму тебя с собой. Беги, найди себе новый дом». Он говорил это, зная, что и в лучшие годы никто не взял бы к себе лишний рот, а в бесконечную ночь снега зверя скорее съедят, чем накормят.

Алиса хмыкнула и сказала:

— Уж за что я любила старую Фету, так это за ее умение сказать, не говоря.

Юли помолчала, пробуя слова Крылатой на вкус, но не нашла, что ответить и просто продолжила рассказ.

— Кошка смотрела на шамана, и блеск снега отражался в ее глазах особенно жутко. «Возьми меня с собой, болван», — услышал парень глубокий голос, пронизывающий до самых костей сильнее всякого холода. Но рядом не было никого, кроме серой облезлой кошки. Шаман был неучем и дураком, но болваном он не был. Кошка уютно устроилась у него за пазухой, когда шаман взлетел к тяжелому, снежному небу...

— Это все очень интересно, девочка, — голос Освальда прервал старательный рассказ Юли. — Но завтра нам предстоит долгий день, полный пусть и не снега, так песка и чада. Самое время кому-то идти в караул, а остальным спать.

Вестники неодобрительно заворчали, но старший товарищ был прав. За стенами пещеры уже царствовала холодная ночь, и так слишком короткая, чтобы подарить настоящий отдых.

— Я подежурю, — привычно откликнулась Алиса. — Разбужу потом... кого-нибудь.

Все знали, что она никого не потревожит. Будет до утра сидеть на краю уступа, разглядывая безмолвное небо. И лишь оранжевый зверек составит ей компанию, всех же остальных она старательно гнала от себя, все дальше погружаясь в тяжелые мысли.

Вестники еще долго копались, укладываясь, переговаривались и шутливо пререкались. Вязкая тишина больше не угнетала их, что-то изменилось в самом воздухе, словно неоконченная сказка Юли развеяла дурное оцепенение.

Юли уже завернулась в плотный мешок спальника, пытаясь лечь поудобнее, когда кто-то легонько потрепал ее по спине. На мгновение девушке почудилось, что это Лин хочет обнять ее так же крепко, как обнимала она его в одну из лихорадочных ночей в одиночной палате лазарета. Юли обернулась и увидела добродушное лицо Сильви. Та села рядом с ней на

корточки, длинная коса коснулась камней у нее под ногами.

— Спасибо тебе, — шепнула Сильвия, улыбаясь; на ее мягких щеках появился румянец. — Нам это было нужно. Будто домой вернулись.

— Я обязательно доскажу, я помню...

— Конечно, доскажешь. Спи.

Всего несколько слов, сказанных с искренним теплом, согрели озябшую Юли. Ей стало спокойно и уютно в этой темной пещере, полной незнакомых людей. Может случиться, что уже и не таких незнакомых.

— Ты совсем не спишь, — донесся до нее чуть слышный голос Лина от входа в пещеру.

— Неправда, — ответила парню Алиса. — Просто... хочу подышать. Подумать.

— Я же вижу, Святые Крылатые! Ты дежуришь до самого утра, ты почти не ешь, все скармливаешь своему зверю.

— Его зовут Чарли...

— Мне плевать, как его зовут! — Лин горячился, срываясь на громкий шепот. — Что с тобой происходит, воробушек? Ты можешь сказать мне.

— Я... я просто должна лететь вперед, понимаешь? Он ждет меня... нас.

Лин хмыкнул. Юли слышала, как скрипит песок под его ногами.

— Ты говоришь о нем как о человеке. Но он не человек, Алиса! Ты видела, что сотворилось с Фетой? Ты хочешь закончить, как она?

— Не говори так. Ты ничего не понимаешь.

— Ну конечно, не понимаю. Я же обычный человек, я ведь слепой и глухой. Но даже такому простаку, как я, видно, что ты совсем иссохла. Что ты измучена. Я не ссориться с тобой пришел, я хочу, чтобы ты поспала сегодня.

— Я не могу, — с трудом выговорила Алиса, словно ей не хватало воздуха. — Он снится мне, стоит только закрыть глаза. Говорит со мной, указывает путь, дает наставления... Это сводит меня с ума, Лин. Легче не спать...

— Воробушек... — снова скрип песка и звук сминаемой кожи курток. — Почему ты не сказала мне раньше? Нельзя же просто прятаться от него, ты не выдержишь!

— У меня нет выхода. Мы должны как можно скорее добраться к нему. А там...

— Он отпустит тебя?

— Да. — Алиса помолчала, и Юли сумела услышать в ее словах что-то еще, так и не произнесенное. — Все сложится, как должно. Надо лишь долететь.

— Хорошо. Тогда я посижу вместе с тобой.

— Нет. Иди, ты и так... летишь за двоих.

Лин усмехнулся:

— Это точно. Девочка старается, но в ней... в ней слишком много всего и слишком мало... нормальности.

Юли похолодела. В голосе парня было столько неподдельной усталости, что девушке захотелось выскочить наружу, перемахнуть уступ и улететь так далеко, как позволят крылья.

— Что поделаешь. Ей нельзя было оставаться в Городе. Ничего, только доведи ее до оазиса, а там...

— А там решим, да?

— Да.

Послышался шорох, и Юли воочию представила, как крепко обнимает Лин девичьи плечи, укрытые мужской курткой. А после в тишине холодной ночи послышался звук

короткого поцелуя. Юли вся обратилась в слух, и ей показалось, что она различила, как соприкасаются растрескавшиеся от ветра губы парня и девушки.

— Я обещал, что буду рядом, воробушек. Так близко, как ты разрешишь мне, — хрипло прошептал Лин и шагнул в пещеру.

Когда он улегся рядом, Юли притворилась крепко спящей, чтобы до самого рассвета разглядывать каменный свод, вслушиваясь в ровное дыхание Вестников.

— Шаман летел над бескрайней снежной равниной, и день сменялся темной ночью, чтобы она сменилась новым днем. Там, где раньше цвели сады, выросли снежные великаны. И даже Великое озеро, сердце родных земель, заснуло глубоким сном, укрывшись снегом, как уставший от жизни старик прячет свои древние кости под пуховое одеяло, чтобы спать до самого своего конца.

Юли сама уже не замечала, как плавно льется ее речь, она неотрывно смотрела на огонь, а в голове звучал скрипучий голос Феты. Это она рассказывала затихшим Вестникам старую сказку, знакомую всем с малых лет. Это она сидела у костра, грея замерзшие кости. И пусть самой Феты не было уже на свете — один только серый пепел развеялся над Чертой, — но память о ней жила в сердце каждого.

— Когда шаман уже отчаялся, а крылья его сковала ледяная корка, кошка, мирно спящая у него за пазухой, выпустила свои коготки. «Болван, — прошипела она, — если ты опустишься на землю, то никогда уже не взлетишь. Лети, не то погубишь нас двоих, а следом за нами снег покроет всех, кто еще прячется от него за высокими стенами. Лети, безумец!» и шаман летел...

Позади у Вестников оставались дни и дни бесконечного пути. От вида бурой пустыни их уже начинало мутить. Ничего не происходило. Солнце пекло, горький песок скрипел на зубах, а жаркий воздух медленно остывал после заката.

Совсем измотанный однообразием долгого пути, на который он и вызвался-то, мечтая встретиться с опасностями безжизненного мира, Трой улетал далеко вперед, оставляя за спиной остальных Вестников. Он рассекал сильными крыльями жаркий воздух, но даже там, за линией горизонта, не было ничего нового.

— Будто все вымерло, — бурчал Крылатый, возвращаясь к товарищам.

— Я тебя удивлю, но и правда вымерло, — отвечала Сильвия, единственная, кто еще отзывался на его недовольство.

После этого Трой прицеплялся к кому-нибудь, сыпля шуточками, в надежде вызвать хотя бы смешок в ответ. Обычно его тирады прерывались шлепком по затылку, нанесенным родной рукой. Гвен переносила тяготы их томительного пути куда спокойнее брата.

Не делясь ни с кем переживаниями, она летела вперед, внимательно прислушиваясь к своим ощущениям. Покой пустыни вызывал в ней смутное опасение. Ей виделось, будто кто-то прикрывает их ладонью, что больше целого неба над головой. И все бури пустыни, сталкиваясь с этой невидимой преградой, проходят стороной. И падальщики не рыщут под ними, и грозы проливаются вдалеке, а Серые Вихри злобно следуют по пятам, но приблизиться даже у них не хватает силы.

Сама ладонь, наделенная беспредельной мощью, могла оказаться куда смертоноснее понятных и привычных Крылатым бед.

«Если кто-то обладает таким могуществом, что способен отогнать рой Вихрей, словно они докучливые песчаные мухи, то что помешает ему с легкостью прихлопнуть нас своей

дланью?» — думала Гвен, чувствуя, как от страха бегут по спине мурашки.

Но единственная, кто мог ответить на этот вопрос, хранила молчание.

Чем ближе они подбирались к оазису, тем меньше Алиса говорила, все реже осматривалась и спала. Ее глаза все чаще наливались серебром, и тогда серые барханы под ней сменялись призрачными картинками прошлых жизней. Если бы только она могла показать товарищам бескрайний лес, который шелестел листвой на этих землях, и то, как бежали между деревьев полноводные ручьи, а грациозные лани на их берегах преклоняли головы, чтобы напиться.

Но никто не видел этих миражей на песке, кроме нее самой и Чарли. Лис принимался жалобно скулить, как только образы прошлого заслоняли перед ним безжизненное настоящее. Совсем недавно, отправляясь вместе с незнакомым человеческим детенышем в путь к неназванному, лис был уверен, что далекий поющий есть само благо и свет. Но теперь, когда крохотное сердце зверька было навеки отдано Алисе, Чарли что было сил сопротивлялся власти Роши.

«Разве может сущее благо так мучить ее, не давая ни сна, ни отдыха?» — рычал он, наблюдая, как Алиса из ночи в ночь продолжает свое бессмысленное дежурство, зная, что никто не нападет на Вестников, пока они покорно летят на встречу с Аланом.

Потому-то вечерние сказки у костра и были отдушиной для томящихся на своем пути Вестников. Потому Юли каждую ночь смотрела в огонь и вспоминала хриплую речь ушедшей старухи.

— Долго ли летел шаман, некому сказать. Но снежный покров под ним сменился вдруг тонким льдом. И так он блестел в холодном свете солнца, так заманчиво переливался внизу, что шаман забыл гневное шипение кошки и принялся осторожно спускаться, желая поглядеть на волшебный лед. И чем ближе была холодная земля, тем рассерженнее шипела кошка. Она осыпала глупого шамана проклятиями, впиваясь когтями в самую плоть. Но, одурманенный снежными переливами, тот ничего не слышал, ничего не чувствовал, и не было в его мире больше ничего, кроме тонкой корки блестящего на солнце льда...

Юли на мгновение оторвала глаза от пламени костра. Гвен привычно обнимала брата за плечи, положив голову ему на плечо. Алиса сидела у большого камня, подставляя лицо холодному ветру, рядом с ней Сильвия что-то озабоченно перекладывала в своем рюкзаке.

Вчера они долго петляли над пустыней, решая, как правильнее им обогнуть скалистую гряду. Тогда-то Алисе и попался на глаза огромный серый валун, за которым когда-то — ей казалось, что очень давно, — Томас прикрывал ее собою от Серых Вихрей. А значит, за надвигающимися горами таился от их глаз отряд варваров.

— Те воины, — крикнула девушка Освальду, который неотступно следовал за ней, — они пришли оттуда! — И указала рукой в сторону гряды. — Где-то там, дальше... у них есть поселение.

— Так давайте проверим! — обрадовался Трой, кружа вокруг товарищей. — Махнем туда, разнесем у них все по камешку. Поглядим, как они там на кровь молятся!

Алиса раздраженно поморщилась:

— Бессмысленно. Сейчас они даже не знают о нашем существовании. Ну, пропал один из отрядов разведчиков, всякое бывает. А если мы покажемся, больше покоя нам не дадут.

— А если они идут к оазису? — вставил Лин. — В прошлый раз ведь пошли.

— У них была карта.

— Это потом, но вначале... Они шли без дороги, как по наитию. Кто знает, вдруг бы

добрались и без вашей помощи?

Алиса помолчала, не зная, что сказать. Она ясно чувствовала: Алан будет против любого отклонения от пути к оазису. Варвары особо его не волновали, да и возможность встретить их была невелика. Но уставшие от однообразности пустыни Крылатые вцепились, точно песчаные клещи, в возможность провести разведку.

— Надо лететь! — горячился Трой, когда они расселись у вечернего костра. — Поглядим хоть одним глазком.

— Ты же говорил, что по камешку разнесем? — подначивала его сестра, но тот гнул свое.

— Надо взять их неожиданностью. Раз — и мы пикируем на них! Два — и мы уже разведали всех их планы, взяли языка и улетели восвояси!..

— Пленный, конечно, нам не нужен. Варвары говорят не по-нашему, — сказал Освальд, прерывая восторженную мальчишескую болтовню.

Алиса кивнула.

— Но оглядеться было бы не лишним, — продолжил он, — если мы попадемся им на пути... Нас слишком мало, чтобы отбиться от целого отряда воинов. Выходит, скрытное наблюдение нам на руку. Чтобы разминуться с варварами при случае. Или даже сбить их со следа, если они направляются к оазису, как и мы.

Алисе нечего было возразить. Освальд был старше ее и гораздо опытнее, он прожил долгую жизнь воина Братства и умел принимать решения. Но сила, что кипела в ней, бунтовала против этой вылазки. Алиса чувствовала, как невидимый венок впивается в нее своими шипами и боль усиливается с каждой секундой. Алан, от которого она так старательно пряталась последние дни, призывал ее в свой крылатый сон, и Алиса знала, что он хочет ей сказать. Никакой крови, никаких схваток, никаких потерь!.. Для возрождения Роши из пепла будет важен каждый человек.

— Я полечу с Освальдом. Мы просто посмотрим, что там и как, — проговорил Лин, накрывая ее руку своей ладонью. — Отправимся ночью. Ты говоришь, они разводят костры?

— Да, огромные костры... и пламя их алое, будто кровью питается, — прошептала Алиса.

Сильвия сдавленно охнула, прижимая ладонь к губам.

— Тем более надо лететь! — победно улыбаясь, сказал Трой.

— Надо. Только тебя мы с собой не возьмем, — заявил Освальд, поднимаясь на ноги.

Возмущенные крики близнеца догнали его у выхода из пещеры.

— Тебя слишком много, мальчик. А много сейчас не есть хорошо.

Следующий день они провели в сборах. Два прочных рюкзака были набиты нужными в разведке мелочами. Сильвия тщательно отобрала самые надежные огнива и твердые грибные бруски, подшила разорванную куртку Лина, выбила пыль из повязок, закрывающих лицо от промозглого ветра ночи.

Привычные действия успокаивали Сильвию, отвлекали ее от снедающего нутро страха за Братьев, за себя. И особенно за Освальда. Тот с сумрачным видом сидел у костра, по обыкновению точил ножи и только изредка кидал на нее короткие взгляды. В них Сильви умела различать все, что ей так отчаянно хотелось увидеть. Но слова не срывались с узких мужских губ, Освальд молчал и водил точильным камнем по лезвию, провожая Сильвию глазами каждый раз, когда думал, что она этого не заметит.

Лин же расслабленно растянулся на тонкой подстилке, беззлобно подшучивая над

Троем, который продолжал ворчать в своем углу. Юли присела рядом с Лином, но так и не нашлась, что сказать. Ей было страшно оставаться здесь без него, так далеко от дома, в компании Алисы, которая с каждым днем становилась все мрачнее. Жрица делала вид, что просто не замечает девочку и отводила глаза каждый раз, когда Юли обращалась к ней или просто проходила рядом.

Теперь Алиса сидела, как всегда, на входе в пещеру и рассеянно потирала пальцами виски. Юли чувствовала, как пульсирует боль в ее голове. Но боль эта была не подвластна лекарству. Потому девочка не решилась предложить Алисе свою помощь и осталась сидеть возле дремлющего Лина, слушая, как бурчит себе под нос Трой.

— Пора, — выдохнул Освальд, поднимаясь на ноги.

Лин тут же вскочил, сбрасывая с себя сон.

— Мы вернемся к утру, — шепнул он Юли и ободряюще улыбнулся.

Девочка подалась ему навстречу, но тот лишь потрепал ее по волосам и отвернулся.

— Ждите нас на заре, — добавил Освальд.

Он закрепил ремни рюкзака на груди, огляделся и молча шагнул в пустоту; через мгновение его крылатая фигура уже направилась к скалам. Лин замешкался, подтягивая лямки. Алиса продолжала сидеть к нему спиной.

— Эй, мы вернемся так быстро, что ты даже не заметишь нашего отсутствия, — сказал он, наклоняясь над девушкой.

— Да. Все так. Береги себя, — проговорила она, вздрагивая, словно только что очнулась от дремоты.

Лин настороженно посмотрел на нее:

— Ты в порядке?

— Возвращайтесь скорее, — только и ответила Алиса.

Когда оба разведчика скрылись в сгустившейся темноте, Сэм развел огонь. И оставшиеся в пещере Вестники принялись напряженно ждать возвращения товарищей. Отвлечься от тяжелых дум им помогала старая сказка.

— Когда ноги шамана коснулись ровного, крепкого покрова спящего озера, кошка с диким рычанием бросилась бежать, — продолжала свой рассказ девочка. — Ее острые коготки оставляли на льду царапины, стылый воздух леденил тощую грудь, но кошка бежала, как бежит все живое от смерти — что есть сил. А шаман этого не заметил, он медленно опустился на колени, всматриваясь в зеркальную гладь. Ни одной снежинки не было видно на ней, изморозь не скрывала ее чистоты, и только хмурое небо отражалось в самой глубине. Шаман склонялся все ниже, вглядываясь в собственный образ, его растрепанные волосы свисли надо льдом, руки не чувствовали холода, он гладил и ласкал ровную корку, словно бы слыша шепот, доносящийся из-под нее. «Ближе, ближе, мальчик, — говорил кто-то. — Загляни в свои глаза, узри в них саму истину»...

Юли облизнула пересохшие губы, сказка становилась мрачной, даже в надежных стенах лазарета слушать ее было страшно, а уж посреди ночи в пустыне и подавно. Но Освальд отправился на разведку, и некому было сегодня прервать ее рассказ.

— Шаман послушно наклонился так низко, как только мог. В этот миг солнце выглянуло из-за тяжелых, полных снега туч и наполнило отражение шамана во льду новой силой. Парень не мог сопротивляться и поглядел в свои глаза, испуганно смотрящие на него из-под льда. Все звуки исчезли, неожиданный порыв ветра швырнул горсть снега в глаза парню, и это совсем сбilo его с толку. Он хотел отпрянуть, заслонить лицо рукавом, а вместо этого

упал ничком, прижимаясь ко льду, что подернулся вдруг мелкой рябью...

Сильви с шумом отодвинула рюкзак и посмотрела на Юли.

— Ну и сказки у тебя, милая, — вздохнула она. — Все из рук валится.

— Так это же... не моя сказка. Бабушкина.

— Да знаю, только дома она не казалась такой жуткой.

— Я могу не рассказывать, — растерянно проговорила Юли.

— Нет уж, ты заканчивай, пожалуйста, — поспешно сказал Трой, — а то такая скука здесь, что лучше сдохнуть...

— Перестань ты, наконец! — не на шутку рассердилась Гвен. — Сколько тебя еще просить? Накликаешь на нас беду своим нытьем... Будет тебе развлечение!

Трой что-то проворчал, но спорить не решился, он всегда четко понимал, когда с сестрой лучше соглашаться.

— Значит... лед подернулся мелкой рябью, — повторила Юли. — Но шаман этого не видел, зато он увидел свою старую комнату. Серые стены облупились, их давно нужно было покрыть новым слоем глины и хорошенько просушить. На ржавых крюках висел его скудный улов. А сам он, сторбившись, сидел у закопченного очага, и весь его вид выражал безмерную скуку. В дверь осторожно постучали, он нехотя встал и впустил на порог жителей города, Старейшина шел впереди остальных и нес в руках рыбью косточку. Шаман помнил, как решил тогда отказаться от их предложения, точно зная, что нет в нем той силы, что должен чувствовать в себе наделенный ею. Но серые стены, ржавые крюки и скудный улов набили у него оскомину, потому он с легкостью позволил уговорить себя, успокаивая совесть жалкими отговорками. Голос, старательно шепчущий ему на ухо, произнес: «Вот твоя главная ошибка, мальчик. Вот когда ты согрешил, и за это ты должен сейчас умереть»...

— По сути голос прав, — заметила Гвен, осторожно переступая через мирно спящего Сэма и подходя к огню. — Парень навредил всем, солгал им, обрек на гибель в снегах. Разве он не заслужил смерть?

Алиса шумно вдохнула воздух, но ничего не сказала.

— И пока шаман лежал, закатив глаза, по тонкой ряби к нему приближался ледяной паук. Он плел свою паутину долгие годы. Он вызвал холода, протягивая нити замерзшей воды, разглаживая их своими тонкими лапками. Паук кружился и кружился подо льдом, и в конце концов тот перенял его силу отражать худшее в людях, чтобы душа грешника захотела отдаться гибели, сломавшись под гнетом вины. Даже небо, смотрящее в гнусное паучье зеркало, видело все свои преступления. Паук вторил их раз за разом так долго, что небеса потеряли разум, закрывшись плотными тучами, как человек заслоняет лицо ладонью. И вот, неся свое покачивающееся толстое тельце на длинных лапах, паук приблизился к шаману и принялся пить его страх и раскаяние. Он шептал: «Все они поверили в тебя, мальчик, все они умрут. Холод скует их тела, а глаза покроются коркой льда. Дети и старики, старики и женщины, женщины и дети. По кругу и до конца. Я выпью тебя, чтобы ты этого не увидел»...

— Что-то долго их нет, — озабоченно проговорила Алиса, разминая затекшие ноги.

Чарли, мирно спавший у костра, приподнял остроносую мордочку, но, не увидев ничего, что стоило бы его внимания, снова опустил голову, прикрывая глаза.

— Облетят все кругом и вернутся, — миролюбиво ответил проснувшийся Сэм, устраиваясь поудобнее на острых камнях. — Что там с ними случится? Не пустыня, а песочница.

Сам он не удивлялся ничем не нарушаемому спокойствию их вылазки, справедливо

считая, что горевать о бедах, что обошли их стороной, — зря терять время.

Вестники помолчали, вглядываясь в темное небо, и Юли продолжила:

— Кошка тем временем зарылась мордой в мокрый снег, только бы не взглянуть случайно на манящую ледяную гладь. Долгие годы жила она в доме шамана, сердцем чуя, что настанет день, когда рыба костька выберет того, кто окажется наделенным силой. Ведь если искать солнце, не отрывая глаз от горизонта, то дважды в сутки непременно встретишь его там. Мальчишка не был тем самым. Он был трусом и лгуном, лентяем и прохиндеем. Но мальчик имел доброе сердце, даже в голодные дни он делился с кошкой едой, поглаживая пальцами ее линялый мех. Жаль, что именно он отправился к ледяному пауку, — но не погибать же теперь ей вместе с таким болваном! Между тем шаман протяжно застонал, сквозь морок чувствуя, как покидают его силы. Кошка отдала бы собственный хвост, только бы не слышать этого стога, она подняла голову из снега и поглядела на скорченную фигуру, к которой из глубины льда уже тянулись блестящие хоботки. И тогда кошка посмотрела в зеркальную гладь, зная уже, что увидит там этот самый миг, как главный, да что там, единственный ее кошачий грех...

Костер почти догорел, слабые блики освещали стены пещеры. Крылатые молчали, усевшись плотнее, почти соприкасаясь плечами. Тишина давила все сильнее, а затянувшееся ожидание и вовсе выбивало дух, потому Юли не решилась прерваться, хотя чувствовала себя обессиленной после долгого дневного пути и этой нескончаемой ночи у огня.

— И тогда кошка, решив все в единый миг, бросилась к ледяному покрову, туда, где паук подобрался на самый верх, сотрясаемый жаждой выпить шамана досуха. Парень уже обессиленно распластался на льду, его руки мелко подрагивали, и это было единственным движением тающего тела. Паук выпивал его душу и оболочку, чтобы шаман исчез, иссяк вслед за родником молодой силы, что стучал в его сердце. Кошка пронзительно вскрикнула и бросилась на льдистую корку своей мягкой серой грудкой. Раздался треск, по зеркалу расползлись бессчетные змейки трещин, горячая кошачья кровь пролилась на лед, и тот стал таять с пронзительным шипением. Паук задергался, пытаясь ускользнуть в глубь замерзшего озера, но из последних сил кошка вцепилась в него когтями. Тварь заметалась еще сильнее, утягивая ее за собой. И в тот миг, когда ледяная толща почти поглотила кошку, шаман поднялся на дрожащих ногах, взмахнул кинжалом из рыбьей кости и воткнул его в округлое брюхо ледяного паука. Земля задрожала, лед, трескаясь и завывая, рассыпался тысячью тысяч капель. Шаман провалился в холодную воду, и мир тут же потух перед его глазами.

— Помню, я расплакалась, когда услышала эту сказку в первый раз, — задумчиво проговорила Сильвия. — А Фета протянула мне засахаренный корешок и утерла слезы своим передником.

— Да, у нее были самые сладкие корешки припрятаны, — заметил Сэм.

— И лепешки... такие, чтобы тянулись и пахли травками, — улыбнулась Гвен.

Юли прислушивалась к словам Крылатых о старой Фете, и у нее теплело на сердце, девочке было приятно знать, что бабушку помнит не только она, что кто-то еще любит и хранит в памяти ее облик, не подвластный серебряному пламени.

— Когда шаман очнулся, то открыл глаза и увидел безбрежное голубое небо над собой. Яркое солнце слепило его, согревая щеки и лоб. Где-то в отдалении подала голос птица, вначале несмело, но после того, как ей ответили другие птичьи голоса, она запела, приветствуя новую весну. Снег таял. Шаман огляделся и увидел, что проснувшиеся воды озера вынесли его на берег, оставив лежать на песке, еще помнящем холод снежной ночи. У

ног шамана мягким комком лежала серая кошка, рассеченная об лед. Кровь еще багрила ее светлый мех. Шаман вытянул руку, чтобы погладить свою спасительницу. Но кошка вздрогнула и обернулась птицей с ярко-алой грудкой. Она взглянула на молодого парня, чирикнула что-то ему на прощание и упорхнула в небеса. Шаман вздохнул, поднялся и отправился в обратный путь, больше не желая быть шаманом. А от паука не осталось ничего, даже воспоминания, потому что мир не любит прогнившее и покоит его в себе, чтобы на месте этой гнили выросла свежая трава.

Последние слова повисли в воздухе над гаснувшим костром. Сказка закончилась так, как всегда заканчивалась в Городе, когда ее рассказывала Фета. Ни добавить больше ни слова, ни протянуть последнюю ноту, как в песне. Теперь Вестники остались один на один с гнетущим ожиданием тех, кто так и не возвращался.

Ночь укрыла пески плотной, непроглядной тьмой. Полная луна пряталась за облаками, лишь изредка бросая вниз редкие, тусклые лучи. Вестники бесшумно летели к скалам, которые надвигались на них с каждым взмахом крыла.

— Не видно ни зги, — пожаловался Лин, его голос разнесся в холодном воздухе.

Освальд смерил парня взглядом. Утомленные однообразием длительного пути, Братья начинали вести себя, как малые дети. Глупые выходки Троя и суэта Сильвии приводили Крылатого в бешенство. Но больше остальных его нервировала Алиса. То, как тяжело она вздыхала, потирая виски. Как горбилась, словно ей на плечи легли заботы всего сожженного мира. Это бесило Освальда даже сильнее вечно испуганной дочери предателя.

Крылатый злился на себя за тот глупый разговор с девчонкой, но удержаться было выше его сил. Слишком уж Юли казалась похожей на мать своими тонкими запястьями, случайными жестами, непослушными кудряшками. И эти наглые предательские глаза... Взгляд их пробирал Освальда до мурашек, он едва сдерживал желание схватить мерзавку и бить о камни, пока жизнь не покинет ее.

Потому Крылатый каждый вечер затачивал и без того острые ножи, сидя у костра. Потому он разрешал Сильви подбираться так близко в непроглядном сумраке пещеры, прижиматься к нему теплым, мягким телом и отдаваться ему, бесшумно, безмолвно. Так ему было проще сдерживать злость, бушующую внутри.

Он всегда был на вторых ролях. Надежный воин, но не Вожак. Приятный парень, но лишь друг весельчака Дейва. Даже женщины его выбирали не те, каких он желал. Вместо манящей Анабель, с ее белой кожей и тонким, но таким сильным станом — мягкая Сильви, которая пахла не томным солнцем, а грибной похлебкой.

А теперь, в отряде, где, кроме него, не было опытных Братьев, им верховодила спятившая девчонка. Только сейчас, вырвавшись на свободу пустынной ночи, Освальд понял, как душно и тесно ему было все эти дни. И он летел вперед, не помня толком, зачем они с Лином скользят по темному небу, не ведая, что ждет их впереди.

А скалы тем временем уже вплотную приблизились к путникам. Лин осторожно снизился, ловя крылом поток холодного воздуха. Медальон под рубахой задрожал, заставляя парня почувствовать волнение. Лин осторожно дотронулся до него пальцем: деревянная пластина чуть нагрелась и подрагивала в ответ на его прикосновение. Так не бывало уже очень давно, с самого начала их пути к оазису.

— Варвары где-то там, — шепнул Лин, опускаясь на каменный уступ, который опасно висел над склоном горы.

Освальд кивнул, оглядываясь по сторонам. Мертвая ночь окружала их. Где-то недалеко под тяжелыми лапами зверя скрипел песок, ветер шумел на склонах. Но среди этих знакомых голосов пустыни слышалось что-то непривычное. Кто-то гортанно пел в отдалении. Лин тряхнул головой, словно прогоняя наваждение, звук не исчезал, порывы ветра то приносили его с собой, то почти заглушали, но голос тянул свою песню, а чуть слышные хлопки вторили ему.

— Варвары, — выдохнул Освальд.

Его лицо заострилось, в глазах появился лихорадочный блеск. Лину отчего-то вспомнился матерый самец охотник, который вышел на охоту из своего логова, а встретил

отряд Крылатых у гряды. Освальд поводил головой, разминая крепкую шею и нетерпеливо переступал с ноги на ногу, как зверь, готовящийся к бою.

— Надо посмотреть, сколько их.

И они бесшумно скользнули вниз, расправляя крылья. Ночной воздух подхватил их, и Вестники двинулись вперед, стараясь не задевать в низком полете сыпучий песок. На плато, что пряталось между крутыми горными склонами, пылал костер. Он рвался вверх, сверкая огненными языками, и было в нем что-то настолько мрачное и отталкивающее, что Лин поспешил приземлиться на вершину бокового склона, чтобы почувствовать под собой твердую опору. Теперь от плато Крылатых отделял один только отвесный спуск. Они легли на камни, стараясь слиться с тьмой ночи и бурой пылью, щедро покрывающей все вокруг.

Небо затянули низко нависшие тучи, казалось, в любое мгновение на землю обрушится проливной дождь, а может быть, разразится гроза с ее ядовитой водой и смертоносными всполохами молний. Крылатым нужно было спешить, вернуться в пещеру и уже там вместе с товарищами решать, что делать дальше. Но отвести глаза от огня было выше их сил.

Бушующее пламя ликовало, будто разгораясь на самом песке. В круге света четко выделялись фигуры и лица злобно шипящих и скалящихся варваров. Еще десятки воинов стояли в тени. Лин судорожно сглотнул. В диковинных шкурах поверх кожаных доспехов, с темными узорами татуировок на телах, они утробно рычали, отбивая ладонями ритм.

По другую сторону огня, подступив к самому его жару, замер старик. Он запрокинул голову и вытянул тонкую шею так, что острый кадык, казалось, вот-вот прорвет кожу. Щеки его покрывала клочковатая борода, он плотно жмурил глаза, и старое лицо его морщилось, будто помятая бумага. Старик тянул вой, низкий и грубый, устремляя свою жуткую песнь в заслоненные тучами небеса. Каждый раз, когда слабый лунный свет пробивался через облака, воины ликуяще кричали, взрывая ночь громогласными воплями, а старик приоткрывал глаза, чтобы только взглянуть на тяжелое небо и продолжить выть, силясь прогнать непогоду.

— Их очень много, — чуть слышно проговорил Освальд. — Гораздо больше, чем нас, нужно возвращаться, пока не заметили...

Лин кивнул, сбрасывая с себя оцепенение, в которое его ввели крики варваров, беснующийся огонь и запах крови, висящий над плато. Крылатые двинулись было назад, прячась в тени утеса, который нависал над склоном, но тут старик протяжно вскрикнул. Лин обернулся и увидел, как медленно варвар оседает на песок, как блестит темная кровь на лезвии короткого кинжала в руке коренастого воина.

Тот пнул обмякшую фигуру на земле и, поднеся кинжал ко рту, медленно провел языком по острию. Стоящие вокруг костра возбужденно заголосили.

В этот миг луна выглянула из-за туч, показывая варварам свой бок, красноватый, точно налившийся свежей кровью. Оглушительный вой огласил окрестности. Воины, вскидывая кинжалы над головой, принялись кричать, хлопать ладонями по груди, смеяться и шуметь.

Лин вжался в камни, рядом замер Освальд. Случайный всполох огня, опьяненный кровью взгляд, брошенный вверх по склону, или порыв ветра, что принесет к костру чужеродный запах крыльев и страха... в любое мгновение их могли обнаружить.

Но варварам было не до них. Появившаяся луна стала знаком для свершения нового обряда, слышались возбужденные каркающие голоса.

— Они, что, пытаются разогнать облака? — Лин приподнялся на руках, чтобы оглядеться. — Зачем?

— В любом случае, им ничего не стоит прирезать старика ради этого.

— Если прямо сейчас отступим, пока они там ликуют, получится улететь.

Освальд взглянул на шумную толпу, заполнившую все плато, и с сомнением покачал головой.

— Особого выбора нет, пошли, — шепнул Лин, отползая, но внезапный крик заставил его прирасти к камню.

Сквозь гомон варваров прорывался пронзительный, захлебывающийся плач испуганного ребенка. Он трелью взбирался к небесам, пронзая все на своем пути. Освальд подался назад, пытаясь тянуть Лина за собой, но тот не шелохнулся.

— Ребенок... — выдохнул он, с трудом разлепляя мигом спекшиеся губы.

— И что? Думаешь, у них нет детей?

Лин не слушал старшего товарища, он уже подполз к самому краю склона, вглядываясь в скопление фигур на плато. В какое-то мгновение свет костра сделался чуть ярче, и Крылатому удалось разглядеть, как один из воинов, обнаженный до пояса, обмазавший кровью убитого старика свое покрытое затейливой вязью тело, несет на вытянутых руках ребенка. Смуглый, как и все они, коротко стриженный голый мальчонка сучил ножками в воздухе и вопил во всю силу своих легких.

Под одобрительные крики воин подошел к огню. Луна равнодушно наблюдала за ним сквозь легкую дымку. Что-то крикнув в небо, варвар поднял ребенка на одной руке, словно показывая его ночному светилу, а после резким движением выхватил из-за пояса кинжал и перерезал тонкую детскую шейку. Пронзительный плач резко оборвался, сменившись булькающим звуком, отчетливо слышным в воцарившейся тишине.

По вытянутой руке воина потекла кровь, он гортанно вскрикнул, и крик этот подхватили остальные. Вопя и танцуя, они все кружились у пламени, а то, казалось, гудело им в ответ. Варвар еще немного покачал в руке обмякшее тельце и швырнул его в костер. Языки огня взвились к облакам, которые, будто страшась обжечься, двинулись и поплыли к горизонту, обнажая звездное небо с кровавой луной.

— Пойдем, — принялся уговаривать Лина Освальд, но тот все смотрел на огонь и толпу округлившимися от ужаса глазами. — Я знаю, это жуть. Но нужно идти.

— Там еще дети... — хрипло выдавил парень, не таясь указывая куда-то в сторону.

За широкими спинами воинов и правда можно было разглядеть клетку. В ней скорчились четверо детишек. Прижимаясь друг к другу, они испуганно поглядывали на беснующуюся толпу, изредка разевая рты. Их плач не доносился до Вестников, но Лин чувствовал его кожей, весь мир его сузился до скованных животным ужасом детских тел.

— Мы должны их вытащить! — прибавил он, подаваясь вперед.

— Ты с ума сошел! — прошипел Освальд, хватая его за рукав и оттаскивая в темноту. — Между ними и нами десятки спятивших от крови, вооруженных варваров...

Но Лин тянул его к краю склона, не видя ничего кроме клетки с детьми на другой стороне широкого плато.

— Да стой ты! Я приказываю, Крылатый! Как старший. Стой! — Освальд с силой развернул к себе парня. — Ты нас погубишь.

— А кто спасет их, если мы уйдем?

— Это не наше дело. Обряды их, обычаи... Не наше, и все. Поворачиваем. Нас ждут товарищи, не дай Роща, они еще двинутся следом и наткнутся на это... — Освальд с отвращением кивнул на толпу варваров.

Лин замер, с трудом отводя взгляд от клетки.

— Да. Глупо идти напролом, — наконец заключил он. — Полетели.

И когда они поднялись в воздух, ловя крыльями промерзший ветер, Освальд совсем расслабился. Уговорить мальчишку не творить глупостей оказалось даже легче, чем он думал.

«Значит, боится смерти, как все боятся, — ухмылялся про себя Крылатый, едва поспевая за летящим впереди Лином. — Вон как понесся».

Первым возвращение разведчиков заметил Чарли. Он вышел из пещеры вдохнуть горький воздух ночи и посмотреть, не задремала ли его девочка, притихшая у входа. Алиса и правда спала, прислонившись щекой к холодному камню. Лис осторожно понюхал ее руку — теплая, значит, неназванный греет изнутри — и пошел к уступу.

Ночь прояснилась, тяжелые тучи удалились к горизонту, открыв луну. Один ее край налился алым. Чарли повел носом, чуя в порывах ветра запах крови, которая пролилась где-то совсем близко, — воздух еще хранил в себе ее тяжелый дух, ее живое тепло. Тревога заполнила маленькое лисье сердце.

Вестников не было, хотя они давно уже должны были прилететь назад. Чарли чувствовал, как боятся за них остальные, как мучается в своем страхе Алиса. Темные глазки зверька впились в линию скал, с которых должны были взлететь разведчики, чтобы вернуться к своим.

«Ну же, поющий, помоги нам и в этом, — взмолился Чарли, тихо поскуливая. — Девочка не переживет, если с ними что-то случится. Помоги. Верни их. Пусть не их кровь разносит над песками ветер»...

И неназванный услышал зверька. Две маленькие точки возникли чуть выше полосы гор, они стремительно приближались.

«Спасибо», — выдохнул лис и поспешил разбудить девочку, мягко тыкаясь ей в ладонь влажным носом.

Алиса вздрогнула, мгновенно открывая глаза. Она рассеянно погладила лиса по голове и перевела взгляд на небо. Точки уже обрели крылья, еще немного, и стали различимы темные фигуры, двигавшиеся в сторону вскочившей Алисы.

Лин первым приземлился на уступ, с шумом втягивая крылья в спину. Крылатая сразу почувствовала неладное. Что-то надломилось в друге ее детства за время, проведенное в горах.

— Что там? — спросила она, подходя к нему вплотную, желая посмотреть в глаза.

Но Лин отвернулся.

— Пойдем, надо поговорить, — просипел он, отстраняясь.

Алиса осталась стоять на уступе, с удивлением наблюдая, как парень проходит в пещеру, будит остальных, подкидывает в костер тонкие паутинки розжига, а сам садится в тени. За ее спиной опустился на камни Освальд.

— Что там? — повторила Алиса, обращаясь к нему.

— Варвары. Много. Развели огромный костер, приносят жертвы...

Крылатая вздохнула, постояла еще немного и пошла к огню. Остальные уже проснулись

и расселись кругом, поглядывая на вернувшихся разведчиков. Сильвия подскочила было к Освальду, но тот остановил ее суровым взглядом и уселся на камни, с наслаждением вытягивая ноги. Лин оставался в тени, мрачный и задумчивый, даже Юли не осмеливалась приблизиться к нему, нутром чуя гнев, кипящий в Крылатом.

— Мы добрались до скал, среди них находится плато, — начал Освальд, обращаясь к сидящим кругом товарищам. — Там уже были они, десятка три варваров, наверное. Вооружены. Развели костер, что-то кричат. Вроде как луну призывают. — Он покосился на Лина и продолжил: — У шамана их не вышло, и они его прирезали прямо там...

Гвен поморщилась, прижимаясь плечом к брату, Сильви охнула, с ужасом смотря на говорящего мужчину, даже сонный Сэм широко открыл глаза.

— Прямо там? Вот они сумасшедшие, а! — произнес он с плохо скрываемым уважением к чужой силе.

— Прямо там, — подтвердил Освальд, поглядывая на Лина. — Боюсь, что мы с ними не сладим. Сейчас нас слишком мало. Надо лететь к оазису, выставить постоянную охрану у входа в ущелье... и отправить гонца в Город, всем Братством уж как-нибудь да отобьемся при случае...

Алиса выдохнула с облегчением, такой вариант устраивал Алана. С рассветом они продолжат путь и будут много осторожнее, чем раньше. Пусть Роща сама охраняет себя, да и их заодно, от нашествия поклоняющихся крови варваров. Главное — лететь, как можно быстрее, пока гнев Алана отдается болью только у нее в висках.

— Ты не все рассказал, брат, — медленно, будто с трудом, проговорил Лин, поднимаясь на ноги.

Он вышел к свету, и Алиса сумела разглядеть его глаза, полные невыносимого ужаса и боли. Сердце девушки сжалось от предчувствия большой беды.

— Эти... звери, — он сглотнул, — они убили ребенка, перерезали ему горло и швырнули в огонь.

Замершим Вестникам понадобилось несколько мгновений, чтобы полностью осознать смысл сказанного Лином.

— Как перерезали? — только и сумела выдавить Сильви.

— Кинжалом. Один из варваров вытащил мальчишку из клетки, принес к огню и убил его. А остальные... — Лин поморщился, вспоминая. — Остальные кричали, подбадривая его. Они... Потом они слизывали кровь с кинжала, пели что-то луне. А ребенок... Тело его горело в пламени. Вот что ты забыл рассказать, Освальд.

Теперь все взгляды устремились на сидящего у входа Крылатого. Но Освальда это не смутило.

— Да, они зарезали мальчонку, и это было... жутко. Но что нам до них? В Городе сотня таких малышей ждет нашей помощи, ждет с надеждой. Надо лететь к оазису, надо думать, как переправить остальных... Не время для глупых войн, мальчик.

В душе Алиса была согласна с ним, но застывшие злые глаза Лина не давали ей ни малейшей надежды на мирное разрешение.

— Там еще остались дети, — сказал парень, не отвечая на слова старшего товарища. — В клетке, голые. Их ждет та же участь, понимаете?

Все подавленно молчали.

— Мы должны спасти их, взять с собой, — подытожил Лин.

— Ты шутишь? — Освальд коротко хохотнул. — Сколько нам еще лететь? Десяток дней?

Дюжину? Как ты собрался тащить чужих детей все это время?

— В руках, — коротко ответил Лин. — Нас восемь, детей осталось четверо. Будем меняться.

— Даже если бы мы смогли забрать их из лагеря с тремя десятками варваров... — устало проговорил Освальд, начиная злиться на остальных, притихших Вестников. — Что ты будешь делать с ними потом? Они родились в этой грязи и крови, они такие же.

— Они дети. Просто дети. Как те, что ждут нас в Городе.

— Они не знают нашего языка!

— Научим их, — тихо заметила Сильвия. — Понадобится время, но это возможно.

— погоди, мы, что, уже обсуждаем это как решенное дело? — нервно засмеялся Освальд, оглядывая остальных.

Но глаза Вестников были серьезны.

— Не можем же мы бросить детей на погибель... — проговорила Гвен, оборачиваясь к брату, который молча кивнул.

— Чем больше людей будет в оазисе, тем лучше, так ведь? — спросил Лин, приободрившись.

Алисе казалось, что ее виски жжет раскаленным железом. Боль пульсировала, мир плыл перед глазами, так и норовя утянуть ее в крылатый сон, куда властно призывал девушку Алан. Она чувствовала, как тело противится ее мыслям, как слова шипят на языке, простые и легкие, ведь так правильно будет сказать сейчас «Нет!», вскочить, приказать всем улечься спать, чтобы набраться сил перед долгим полетом, точь-в-точь повторяющим путь, что рисует на песке для нее Роща. Но отчаянные глаза Лина, его дрожащий голос, его правота, пусть и помноженная на безрассудство, были сильнее даже боли.

— Так, — выдавила она. — Мы попробуем их спасти, но решение нужно принимать всем вместе.

— Кто за? — спросил Лин, улыбаясь товарищам.

Одна за другой в воздух поднялись руки. Даже Юли, которая по сути не имела права голоса, поскольку не состояла в Братстве, осторожно приподняла мелко дрожащую тонкую руку. Лин задохнулся от внезапно нахлынувшей нежности к девочке, столько решимости было в этом жесте, столько веры в его слова.

Один Освальд остался сидеть неподвижно, с презрением рассматривая оживленные лица.

— Какие же вы все еще... щенки, — процедил он.

Лин одарил его тяжелым взглядом и повернулся к Алисе, сам поднимая руку.

— Ну что, воробушек, ты с нами?

Тошнота подкатила к горлу Жрицы, она выдавила слабую улыбку, молясь всем Крылатым богам, лишь бы никто не заметил ее мертвенной бледности и холодной испарины, выступившей на лбу.

— С вами, — сказала она, из последних сил держа голову прямо.

Лин удовлетворенно кивнул, он говорил что-то еще, подзывая к себе остальных, чертил на полу план нападения, жарко споря с Троем, но всего этого Алиса уже не видела. Она осторожно выскользнула наружу, там ее долго выворачивало наизнанку. Горечь наполнила рот, голову разрывала невыносимая боль. Теряя сознание, Алиса тяжело осела на камни крохотного уступа, и снова рядом с ней остался только Чарли.

— Я говорил тебе, Жрица, вы не должны ввязываться в битвы! Вы должны лететь ко

мне! — Голос Алана был повсюду, он раздавался сразу со всех сторон, глубокий, рокошующий, отзывающийся болью в каждой частичке ее тела. — Я гневаюсь на тебя, ибо ты нарушила мой приказ.

Алиса молчала, не в силах поднять голову. Свет больше не заливал Рощу, деревья мрачно качались в порывах ураганного ветра, наклоняясь все ниже, устрашающе скрипя. Алан был совсем рядом, возмужавший, налитый силой, он нависал над ней, и кончики его отросших волос почти касались ее лица.

Крылатой вдруг вспомнилось, как она заплетала эти волосы в косы, без страха прикасаясь к молодому Божеству, и от этого ей вдруг захотелось расхохотаться. Ей стали смешны собственные былые самонадеянность и бахвальство, бездумная смелость и вера, что Говорящая из нее получится лучше, чем те, допустившие Огонь. И что теперь? Теперь названный ею Аланом лютует от каждого неповиновения, способный раздавить ее, как песчаную блоху.

— Мы летим, — наконец проговорила она. — Разве не лучше будет добраться до оазиса с прибавлением?

— Вы погибнете в битве, и никто уже не взрастит Рощу!

— Так помоги нам! — Набравшись смелости, Алиса подняла голову и встретила с яростным серебром глаз Алана. — Помоги совладать с варварами, мы прилетим к тебе, мы и еще четверо, которые будут выращены нами с верой в тебя...

— Это выродки предателей, Жрица! Их ноги не ступят на траву Рощи. Этому не бывать!

— Они же дети... — чуть слышно сказала Жрица.

Алан схватил ее за плечи и развернул лицом к высящемуся перед ними лесу.

— Смотри, каков был этот мир! — сказал он, подталкивая ее вперед.

Нежная трава ласкала, переплетаясь под ногами, ветер перестал бушевать, принявшись играть с листвой деревьев, едва касаясь их вершин. Лес благоденствовал, и в его чаще раздавались тысячи тысяч голосов птиц, животных и насекомых.

— Таким был он, пока предатели не срубили его. Таким он бы оставался без них, — раздался голос Божества. — Теперь варвары пьют кровь друг друга, и знаешь почему?

Алиса молчала, наблюдая, как поднимается ветер, как ураганные порывы его подхватывают опавшие листья и кружат вихрями, как меркнет свет невидимого за лиственным покровом солнца.

— Только потому, что крови моих предков больше нет. Это меня желают испытать они, довольствуясь собратом. И ты хочешь привести этих детей в оазис?

— Мы вырастим их другими... Алан, я клянусь тебе, мы сумеем!

— А сумеете ли вы забрать их у этого полчища? — спросил он, проводя рукой перед ее лицом.

Лес исчез, теперь Алиса видела каменистое плато, освещенное неровным светом костра. Десятки воинов, крича и отбивая ритм ударами ладоней, кружились вокруг него. Обмазанные кровью, обезумевшие, они бесновались, славя полную луну. Когда ее свет отражала во тьме сталь обнаженных кинжалов, Алиса различала запекшуюся кровь.

— Ты сможешь развеять пеплом стольких людей, Жрица? Вспомни, что стало с той, попытавшейся сжечь старика... а он был один, старый и бессильный. Они же могучи, Жрица, сумеешь ли ты защитить своих спутников?

Алиса знала ответ, он тоскливо гудел в ней, будто старый колокол, предвещающий гибель отряда.

— Если ты будешь со мной. Вместе мы...

— О, нет! — Алан засмеялся. — Я не стану тратить силу предков на варваров, пока отряд их не встанет лагерем у моего порога. Если вы отправитесь туда, помощи вам не будет. Думай, Жрица.

Алиса до боли в глазах вглядывалась в кружение потных тел, пока не разглядела клетку. Она стояла под каменистым навесом у края плато. В ней, скорчившись, жались друг к другу четверо детей, чумазных, обнаженных, избитых. Сердце заныло в груди у Алисы. Она должна была пообещать Алану увести Крылатых прочь, но Лин... Его отчаянные глаза смотрели ей прямо в душу, его звенящий голос не утихал у нее в голове. Как сумеет она отказать ему? Вернуться в пещеру, поддавшись силе Божества, и сказать, что они улетают к оазису прямо сейчас, без споров? Сказать не своим голосом, не своими словами?.. С этого мгновения — Алиса понимала четко — она окончательно перестанет быть той, кто улетал из родного дома вместе с Томасом. Лин — последний, помнящий ее такой. Предав его, она предаст и себя саму. Но есть ли у нее выбор? Этот вопрос еще пульсировал в ней, наливаясь серебром, когда Алан отшатнулся.

Картина плато исчезла, лес так и не вернулся. Теперь они стояли вдвоем в серебряной мгле, подобной туману.

— Этот мальчишка тянет тебя назад, Жрица! — в гневе выдохнул Алан, — Ты забыла о своем долге в мыслях о нем! Что ж. Летите. Битва за детенышей кровожадных предателей унесет жизни всех, кто мешает тебе стать собой. Но когда полетишь обратно в Город за новыми Вестниками, помни: смерть товарищей — только твоя вина. Я не стану помогать вам, Жрица. Прочь!

Волна жара ударила ей в лицо, повалила на спину. Когда Алиса открыла слезящиеся глаза, над ней нависал каменный свод пещеры. Чуть слышно раздавались голоса Крылатых. Боль не буравила виски, венки не впивались шипами в самую ее суть. Алиса больше не чувствовала в себе силу Роши. Она провела ладонью по лицу, словно избавляясь от воспоминаний крылатого сна.

Снаружи раздался глухой грохот, пещеру осветила вспышка молнии, ворвавшийся внутрь ветер принес ядовитый запах грозы.

— Буря началась, наконец-то я узнаю пустыню, — хмуро сказал ей Освальд, отходя подальше от падающих у входа капель.

Камни дымились, ядовитая вода разъедала их подобно кислоте. Алиса зажмурилась.

«Раз, — начала считать она, прислушиваясь к грозе. — Два. — Алан решил проучить свою своенравную Жрицу. — Три. — Роша больше не хранила их от бед. — Четыре. — В глубине пещеры Вестники горячо обсуждали грядущую битву. — Пять».

Гроза не унималась. Всполохи следовали один за другим, накатывая, словно соленый прибой, что бушевал здесь в мире до Огня.

— Грохочет так, будто сейчас небо расколется... — вздрагивая, прошептала Гвен, подтаскивая свой спальник поближе к брату.

— Ага! — восхищенно откликнулся тот, очередная вспышка осветила его лицо, полное ликования.

— Какой же ты болван все-таки, — пробормотала Гвен. — Мне не по себе.

— Да перестань ты. Все обговорили, все решили... Мы сможем. — Трой великодушно разрешил сестре прижаться к его теплому боку. — Завтра в это время будем уже тащить в охалке чумазных ребятишек, ни слова не понимающих, не знающих, куда крылатые чудовища несут их над песками...

Гвен слабо улыбнулась. В сердце у нее поселилось дурное предчувствие. С первой каплей, упавшей на камни у входа, она поняла, что невидимая ладонь, ограждающая их от бед, бесследно исчезла. Оставила их на пороге большой битвы. Пускай нужной, пускай продуманной, но с одурманенными варварами, которые заведомо превосходили их числом.

И теперь Гвен оставалось таить в себе эту тревогу, уповая на давнюю присказку Феты, мол, неназванный сон — несбывшийся сон. Но яркие молнии, раскалывающие небеса, сверкали так зловеще, так предостерегающе, что Крылатая уединилась в глуби пещеры и не проронила больше ни единого слова, пока остальные спорили об утренней вылазке на плато.

— Нужно лететь сейчас, — уверенно говорил Сэм, проверяя арбалет.

Он ненавидел промедления, особенно когда дело касалось боя.

— Да, прямо в грозу, здоровяк. Ты первый. — Лин ломал голову над вычерченной на камнях картой. — Сейчас они друг друга-то готовы прирезать, а уж нас... Обождем до утра.

— Они увидят нас на подлете и скосят стрелами, будто мы дичь, — процедил сквозь зубы Освальд.

— Не думаю, что к утру среди них останется на ногах хоть кто-то, оглядывающийся кругом... Их развезет так, что и Огонь не добудится.

Это замечание мужчина презрительно оставил без ответа.

— Я вообще не понимаю, зачем нам лезть на рожон. Ну, да вы сами себе вожаки, детки. — Он поднялся на ноги. — Теперь думайте, как это все повернуть. А я уж решу потом, лететь ли с вами.

Взглядом его проводила только Сильвия, которая расстроено сидела на своем спальнике. Снаружи в пещеру повеяло влажным воздухом, девушка втянула его носом, но не уловила запаха ядовитой грозовой воды: на смену смертельному ливню пришел обычный дождь, чья влага быстро впитается в песок, будто и не было его.

— Вот и гроза закончилась. — Трой шутливо ткнул сестрицу в бок сестру. — А ты, трусиха, боялась!

Гвен только слабо улыбнулась в ответ и забралась в спальник.

— Значит, полетим на рассвете? — громко спросила она.

— Да, подождем немного, чтобы их точно сморило на раннем солнышке, и отправимся. — Лин тряхнул головой. — Смотрите, там есть проход между скалами... — Он склонился ниже над рисунком. — Если лететь отсюда, то солнце будет бить нам в спину,

слепить дозорных...

— Ты же говорил, там не будет никого на ногах, — ядовито заметил Освальд.

— Ты чего добиваешься, Крылатый? — грозно начал Лин, выпрямляя спину.

— Так, погодите вы! — Алиса примирительно подняла руку, но, заметив, как мелко дрожит ладонь, сразу же ее опустила. — Только кидаться друг на друга нам сейчас не хватало. Лин прав, что надо лететь утром, я тоже так думаю, но уповать на то, что все варвары будут спать... Нужны пути отхода. Ты же об этом хотел сказать, Освальд, да?

Тот кисло улыбнулся, буравя Лина ледяным взглядом.

Вестники сгрудились над картой, всматриваясь в неровные линии на песке. Даже Освальд подошел на пару шагов ближе, поглядывая вниз между спинами остальных. В отдалении осталась сидеть только Юли. Она растерянно озиралась в надежде найти какое-нибудь дело рукам, лишь бы перестать ощущать себя лишней среди возбужденных грядущим боем братьев.

— Пойдем наружу, — шепнула ей Сильви, аккуратно беря девочку под локоть. — Поможешь мне.

Они проскользнули мимо братьев и выбрались на воздух, который нес в себе запах влаги.

— Мне всегда казалось, что такой ветер... — Сильвия вдохнула поглубже. — Что он больше всего напоминает мир до Огня. Гарь прибило водой, солнце не палит, как сумасшедшее. Наверное, так, водой и травой еще, пахнет в оазисе. Зеленью, как у Феты в теплицах...

Юли молча кивнула, она понимала, о чем говорит Крылатая. Когда бабушка в первый раз привела внучку поглядеть на растущие в травы, та чуть не лишилась чувств от окутавших ее запахов и нахлынувших образов. И сейчас над ночной пустыней разносился похожий аромат, без пряной ноты, с примесями ядовитых испарений, но все равно похожий. Словно дыхание самой жизни доносилось к ним ветром из далеких земель, где об Огне слыхом не слыхивали.

— Ты умеешь шить? — Сильвия присела на край уступа, раскладывая перед собой отрезки тканей. — Ну, вдруг?

— Вот что-что, а шить я могу, тут ты попала в точку, — с облегчением рассмеялась Юли и присела рядом. — Починить что-то хочешь?

— Не совсем. Если мы завтра принесем сюда детей... — Она запнулась, оглядываясь назад, где под сводом пещеры Братья продолжали спорить. — *Когда* мы завтра принесем сюда детей, — поправилась она, — понадобятся пеленки, одежда им... Ну, ты понимаешь.

— Я ни разу не видела ребенка, — сказала Юли и, встретив удивленный взгляд Сильвии, продолжила: — В лазарете не бывает детей, слава Роще. Или их до лазарета просто не доносят... Но с той поры, как я себя помню, мы ухаживали только за взрослыми. Я не знаю, что нужно детям.

— Ну, уж поверь, взрослый на пороге смерти снова становится ребенком, и нужды их схожи, — вздохнула Сильви, беря первый лоскут. — Давай-ка пока переберем, что у нас есть, а там подумаем. Сумеешь?

— Я шила для лазарета. И для города иногда. Так что справимся.

Они в молчании осматривали куски тканей, откладывая в сторону то, что может пригодиться. За этим методичным, женским занятием Юли наконец почувствовала себя нужной. А теплое дыхание Сильвии напомнило ей вечера, когда она работала в компании бабушки, слушая ее ворчание и сказки.

— Тебе, наверное, страшно сейчас, — проговорила Сильвия, вдевая нитку в иглу. — Нам всем страшно, а тебе, должно быть, в дюжину раз страшнее. Ты же впервые здесь.

— Знаешь, иногда мне кажется, что все это сон. Что я просто глубоко уснула в своей комнатке и скоро меня разбудят. Наверное, эта мысль и умиряет во мне желание броситься прочь, вопя от ужаса и ничего перед собой не видя.

Сильвия усмехнулась, принимаясь сшивать два отреза ткани, готовя основу будущей рубашки для малыша.

— Ты очень смелая, я бы так не смогла. — Она помолчала. — Можно, я спрошу кое-что, но, если не захочешь, просто не отвечай...

Расслабленная внезапной близостью, Юли кивнула, бесстрашно решив, что ответит на любой вопрос, лишь бы эти минуты спокойствия длились еще.

— Фета... она же твоя названная бабушка?

— В нас не было общей крови, если ты об этом, — помедлив секунду, ответила девочка. — Но она заменила мне всех. Даже больше.

— Я понимаю, просто Освальд... Он сказал, что ты дочь нашего бывшего Вожака. И упомянул о предательстве. Но я даже не хочу об этом знать, гадко говорить про такое за спиной Крылатого.

— Я ему не собрат. Он никогда меня не примет, — только и сказала Юли, обходя слова об отце, как обходит острые камни идущий босиком.

— Освальд не плохой, ты не думай! — горячо зашептала Сильви, подавшись к Юли. — Он злится, таит в себе обиду на весь мир... Но от этого хуже лишь ему. Дурного он не совершит.

— Я видела, как ты смотришь на него... — тоже шепотом произнесла Юли. — У вас любовь?

Сильвия коротко засмеялась, но горечи в ее смехе было больше, чем в ветре над сожженной пустыней.

— О, нет. Он никогда не был влюблен в меня. Позволял любить — да. Разрешал приблизиться, был не против. Но любить... нет, любить меня он так и не научился.

— Почему же тогда?... — начала Юли, но тут же спохватилась. — Если не хочешь, не говори...

— Все в порядке, — кивнула Сильвия, продолжая шить. — Потому что сердцу не прикажешь. Потому что, увидев его однажды, я потеряла голову. Бросила все, что у меня было. Пошла в Братство, хотя тело мое, душа... не для полета. — Она выпрямила спину, словно предлагая Юли посмотреть на нее, понять, что она имеет в виду.

Сильвия сидела у стены, распущенные густые волосы ее лежали свободно, покрывая плечи. В мягкой покатости плеч, в округлости бедер, в глубине взгляда — во всем ее облике отражалось неумное желание быть чьей-то. Ждать вечерами у окна возвращения сильного и любящего мужчины, когда накрыт стол и готова горячая еда, когда весь дом полон детей, любви и покоя. Ей и правда не было места в мире за Чертой.

— Сама видишь, на воина я не похожа. И мудрой женщиной меня не назовешь. — Сильвия откинула за спину рыжую прядь и грустно улыбнулась. — Мне б уйти, успокоиться... Столько раз Фета звала меня в сиделки, мужа обещала найти, дом. Но как я могу, когда перед глазами он, в сердце он, в мыслях... Да что тебе рассказывать, сама знаешь.

Юли мгновенно вспыхнула, чувствуя, как ночной морозец холодит покрасневшие щеки.

— Мы с тобой не предназначены для полета, милая. Жалеть, врачевать, шить да еду

готовить. И любить. Вот для чего нас небо создало. Жаль, не ко времени.

Больше они ничего друг другу не сказали, так и остались сидеть в мерцающей костром темноте, перекладывая лоскутки, сшивая их вместе, словно надеясь, что и жизнь, расколотую, пошедшую дурным путем, можно исправить парой легких стежков.

— Эй, просыпайся, воробушек!

Горячий шепот Лина вырвал Алису из нежных объятий сна.

Первый раз за долгие ночи в пути она смогла уснуть, крепко и спокойно, отбросив все волнения прошедшего. Крылатая уже и забыла, какой светлой и легкой бывает голова, если ее не полнят чужие голоса и чужая воля, образы прошлого, переплетенные с предчувствием грядущего. Как легко и просто отдаться сну, если в нем тебя не ждет выматывающая встреча с Божеством, а в виски не вливаются колючки невидимого венка.

Вестники улеглись ближе к рассвету, наспорившись вдоволь, придя к одному, пусть и не самому обнадеживающему решению. Разошлись по своим местам и забрались в спальники — вслед за грозой на пустыню обрушился настоящий холод. Но сладкие часы крепкого сна прошли слишком быстро, Алисе показалось, что она только и успела опуститься в блаженную тьму, а Лин уже подкрался к ней и легонько потряс за плечо.

— Просыпайся, надо поговорить.

Она выбралась из спального мешка, миглом чувствуя озноб и покрываясь мурашками. Даже тяжелая куртка, ставшая ее второй кожей, не могла защитить от пронизывающего рассветного холода.

Судорожно зевая, Алиса последовала за Лином, осторожно ступая, чтобы не потревожить спящих товарищей.

Под ее ногами крепким узлом сплелись близнецы, они всегда спали так, прижимаясь друг к другу, то ли в поисках тепла, то ли по зову той близости, что связала их раньше, чем они появились на свет. У стены свернулась калачиком Юли, Алиса успела заметить, как близко от девочки лежит пустой спальник, еще хранящий тепло мужского тела, но быстро отвела взгляд. В противоположной стороне пещеры должна была спать Сильвия, одна ли, а может, и нет, кто разберет в этой утренней хмари? А у входа вытянулся Сэм, мерно похрапывая. Алисе надо было переступить через него так, чтобы не перебудить остальных.

Аккуратно перенося ногу поверх Крылатого, она слегка задела тяжелый арбалет; что-то звякнуло, и тут же ее щиколотку стиснула крепкая рука.

— Тихо, тихо, это я, — прошептала она, покачиваясь над заспанным великаном.

Тот недовольно засопел, но ладонь разжал.

— Ты как падальщик в засаде, легка и осторожна, — ухмыльнулся Лин, который в нетерпении расхаживал по уступу, вглядываясь в туман на горизонте.

— Сам же сказал, что нужно дождаться солнца. Чего вскочил раньше времени? — Алиса подошла поближе, обнимая себя за плечи.

— Я думал, ты вообще не спишь.

— Сегодня как раз уснула. — Она отвела взгляд, давая понять, что не желает об этом говорить.

— Прости, — с сожалением пробурчал Лин, — но это важно. Слушай, Юли мы должны

оставить здесь.

Алиса вспомнила пустой спальник рядом со спящей девочкой и не сдержала улыбки.

— Волнуешься за нее?

— Я обещал, что буду следить. Что доведу ее до оазиса. Но с варварами ей лучше не встречаться.

— Ну так скажи Юли, что она остается ждать нас в пещере, разве это проблема?

— Она меня не слушает. — Лин вздохнул и толкнул камешек с уступа. — Обидится, надуется, так еще и поступит по-своему.

— Ты уже пробовал с ней поговорить? — поинтересовалась Алиса, удивляясь внезапному порыву раздражения.

Еще вчера ей было совершенно безразлично, насколько сблизил нескончаемый полет Лина и дочку Томаса, но теперь, пробудившись свободной от гнета венка, она вдруг почувствовала, что ее гложет неприятное чувство обиды.

— Когда я вчера добрался до спальника, она уже десятый сон видела, — ответил Лин.

— Вот как... — Алиса помолчала, прислушиваясь к себе, но удержаться не смогла. — И ты хочешь, чтобы я с ней поговорила, так? Остаться для девочки героем, а мне можно и злобной мачехой быть?

Лин с удивлением поднял на нее глаза, давно уже он не слышал в голосе давней подруги такой едкости. Все эти дни она была равнодушно спокойна, скорее прислушиваясь к происходящему внутри себя, чем вокруг. Но сегодня, в рассеянном свете раннего утра, она стянула с себя тяжелую сумку и выпрямила плечи.

— С тобой все хорошо? — наконец спросил он.

— Разве сейчас речь обо мне? Я поговорю с Юли, если тебе так спокойней. Девочка и без того меня сторонится, так что, думаю, хуже от нашего разговора не станет. Только смотри, как бы она однажды не набросилась на меня с ножом. Особенно по ночам будь настороже.

Высказав все это, такое глупое, детское, не имеющее здесь ни капли важности, Алиса повернулась на низких каблуках своих тяжелых сапог и прошла в пещеру. Лин остался стоять снаружи, он долго смотрел ей вслед, удивленно покачивая головой.

Тем временем Вестники уже проснулись. Переговариваясь друг с другом, они медлили в надежде оттянуть минуту, когда вчерашний план начнет воплощаться. Ведь после этого изменить что-либо не будет никакой возможности.

Пользуясь шумом, который они подняли, Алиса приблизилась к Юли, стараясь совладать с раздражением, что лишь усиливалось в ней.

— Послушай, — обратилась она к девочке, заставив ее вздрогнуть от неожиданности, — мне нужно быть уверенной, что ты понимаешь...

— Твоя сила! — выдохнула Юли, перебивая ее. — Она испарилась!

Девочка смотрела на Крылатую, широко раскрыв глаза, сейчас она была совсем не похожа на своего отца, скупого в движениях, но все равно Алиса видела в ней Томаса, и это удерживало ее от прямой грубости.

— Буду очень тебе благодарна, если ты не станешь кричать об этом на каждом шагу, — прошипела она, оттаскивая Юли за руку в глубь пещеры. — Я хочу поговорить не об этом...

— Он отверг тебя? Божество... он тебя покинул? Как бабушку?

— Нет, — поспешила ответить Алиса, сжимаясь от страшных слов, сорвавшихся с пухлых губок ничего не понимающей девицы. — Он не желает участвовать... в нашей

вылазке, потому что разрешил нам действовать самим.

— И покинул... Ничего себе! — Юли смотрела на нее с беззастенчивым любопытством. — Я видела, как он мучил тебя в последние дни. Ну, и как ты себя чувствуешь сейчас?

— Будет лучше, если ты меня выслушаешь. — Алиса шумно выдохнула, пробуя успокоиться. — Тебе нельзя лететь с нами, — наконец объявила она.

Девочка отшатнулась.

— Что? Ты хочешь бросить меня здесь?

— Послушай, это очень опасно, а мы должны довести тебя до оазиса невредимой, ты — Лекарь, единственный у нас. Нельзя тобой рисковать!

— Но Лин сказал, что опасности нет...

— Не принимай все его слова за истину, девочка, — сдерживая злобу, сказала Алиса, бросая многозначительный взгляд на большой спальник у их ног.

Юли сдавленно кашлянула и залилась краской.

— Мы просто... Просто рядом. И все, — начала лепетать она, разом теряя всю спесь. — Он беспокоится за меня, он же обещал... защитить.

— Мне все равно, что между вами происходит, — заявила Алиса, внутренне наслаждаясь смущением девочки. — Мне нужно, чтобы ты осталась здесь. Дождалась нашего возвращения. И не путалась под ногами. Я видела, как ты летаешь. — Она выдержала паузу. — Ты плохо держишься в воздухе, даже просто двигаясь за всеми в спокойном небе, Юли! А бой — это другое. Ты не нужна нам там. — Алиса сама удивлялась жестокости своих слов, но остановиться не могла. — Я веду вас к оазису, поэтому могу тебе приказать... Но пока я просто прошу остаться.

Она резко повернулась и пошла к остальным, не оглядываясь на скорчившуюся в углу Юли. По щекам девочки катились крупные слезинки, она быстро стирала их кулаком, но те все лились, не давая ей шанса спрятать обиду. Почти сразу к ней подскочила Сильвия.

— Перестань, — зашептала Крылатая, присаживаясь рядом и протягивая девочке платок. — Плохая примета лить слезы перед вылазкой.

Юли сдавленно всхлипнула, продолжая плакать.

— Ты боишься?

Девочка покачала головой, потом замерла и кивнула.

— Конечно, боюсь, но не в этом дело. — Она судорожно сглотнула. — Алиса сказала, что я буду помехой. Что они не берут меня с собой, потому что я и летаю плохо, и не умею ничего...

— Ох, милая... Так и сказала?

— Да. — Юли уткнулась подруге в плечо и продолжила всхлипывать.

— Но она права, ты уж меня прости. Никто не знает, что нас там ждет. Нужно быть очень осторожными, а если ты запаникуешь, и нас всех обнаружат? Если все погибнут только потому, что ты вдруг упадешь? — Сильви говорила с ней, как с маленькой сестрой, которая была у нее на самом деле, пока лихорадка не выкосила половину их семьи. — Алиса не хотела тебя обидеть... Просто на ней столько всего, столько силы, столько вопросов, мы... Ей некогда тебя успокаивать. Ты должна понимать это и не держать зла. Договорились?

Юли кивнула, медленно поднимая голову от промокшей на плече рубашки Сильви.

— Но если вы не вернетесь? Если я останусь здесь одна?

Крылатая ничего не ответила, напряженно обдумывая что-то, пришедшее ей на ум.

— Погоди, я сейчас вернусь.

Она решительно встала и направилась к Алисе, укладывающей вещи в свой рюкзак у выхода.

— Я останусь здесь, — сказала Сильвия, подходя.

Алиса подняла на нее удивленные глаза:

— Ты не полетишь с нами?

— Я там не нужна, ты сама знаешь. Летаю я немногим лучше Юли. Но представь, если вы не вернетесь. Ну, вдруг. Девочка сама не найдет дорогу в Город, а ей нужно будет вернуться, чтобы собрать новых Вестников. Она одна, кроме тебя, наделена силой Рощи. Кто-то должен будет помочь ей исполнить предназначение...

— Не очень-то ты веришь в успех нашей затеи, да? Но я не против, оставайся. Так мне будет спокойнее. — Алиса кивнула и склонилась над рюкзаком.

Когда солнце чуть приподнялось над горизонтом, Вестники уже были готовы к вылазке. Сосредоточенные, прекратившие переругиваться и шутить, они выстроились на уступе, вглядываясь в скалистую гряду, что темнела поодаль.

— Лететь туда не так уж и долго, все время по прямой, приземлимся при первой же возможности, дальше по обстоятельствам, — напомнил Лин. — Ну, все, вперед! Святая Роща с нами.

Этой-то поддержки Алиса и не чувствовала. Она знала, что Алан следит за ними, внимательно наблюдая за каждым взмахом крыльев ее маленького отряда. Но придет ли Роща на помощь, если план рухнет, неисполненный, если все пойдет не так? Алиса точно знала горький ответ. Но предостеречь остальных, рассказать им, как легко стать отвергнутой Жрицей, она не решилась, уповая на милость Алана. Не того, грозившего ей в последнем сне расплатой за непослушание, а юноши, который растерянно протянул ей руку при первой их встрече.

Тем временем Вестники уже подошли к самому краю, замерли на мгновение, готовясь к ужасу, что захлестнет их перед тем, как крылья распустятся за спиной, и шагнули вниз.

На уступе остались только двое. Юли прижалась к мягкому плечу подруги.

— Даже не обернулись на прощание, — прошептала девочка.

— Дурная примета, — выдохнула Сильвия, не отрывая взгляда от удаляющихся крылатых фигур.

Пыльная буря долго тянулась по косе, поднимая пепел и закручивая его. Она была рождена в скалистом гроте, что скрывал в своих недрах глубокий подземный город.

Дважды буря меняла направление. Столкнувшись с выводком Серых вихрей и отскочив от них, словно те чумные, она понесла свои рокочущие волны в сторону и долго потом бушевала между скалами, отражаясь эхом в бездонных пещерах. Там бы она и утихла, уснула, убаюканная собственным воем, но внезапная гроза, разыгравшаяся в пустыне, привлекла ее, приманила, и буря направила свои ветра в места, не предначертанные ей судьбой.

Но кто в сожженном мире может диктовать правила песчаной буре, настоящей властительнице этих земель?

Лин не заметил, как посерело над ними небо. Еще мгновение назад они летели вперед, строго придерживаясь порядка. Он руководил отрядом, направлял его над пустыней, чтобы, добравшись до плато среди скал, напасть на варваров и разбить их, чтобы спасти незащищенных детей, чтобы помочь добру восторжествовать на этой земле, возможно, впервые.

Все было так, как он мечтал, когда первый раз переступил порог общего дома. О, как страстно мечтал он о грандиозных приключениях, великих свершениях. И даже в полубреде превращения он помнил, ради чего все это. Ради этого самого мгновения. Ничего больше не было, ни до, ни после. Только шорох крыльев, Братья, летящие за ним, и большое дело впереди.

Пылевой поток первым увидел Сэм, который должен был страховать отряд с тыла. Песчаное марево, поднимающееся к самым небесам, привлекло его внимание, обостренное ясной задачей.

— Эй, там! — громко крикнул он, показывая в сторону надвигающейся бури.

Строй нарушился, Вестники принялись озиаться. Пыль окружала их, скал, где в пещере остались Юли и Сильви, уже не было видно. Яркое солнце, подхлотившее к зениту, скрыла серая пелена, буря подступала, вытягивая вперед свои длинные лапы ураганных порывов, несущих песок и золу.

— Надо приземляться! — крикнула Алиса.

Но укрыться Крылатым было негде. Под ними раскинулись лишь барханы сыпучего песка. Очень скоро тот начал бы подниматься, ослепляя Вестников, забиваясь им в перья, сиюсь повалить на землю, засыпать, упокоить навечно.

Лин затравленно оглядывался кругом, пытаясь найти решение. Он даже бросил взгляд на Освальда, словно в надежде на его помощь, но тот ответил ему гневным выкриком:

— Я не знаю, что делать! Ты у нас Вожак!

— Надо лететь хоть куда-нибудь! — Гвен побледнела, съежилась, казалось, что крылья перестали держать ее, и она вот-вот рухнет камнем вниз.

Трой крепко схватил сестру за предплечье.

— Она права, нас сейчас накроет...

Лин огляделся еще раз, но пустыня, медленно погружающаяся в песчаный мрак, не желала ничем ему помочь.

— За мной! — крикнул он, устремляясь в единственную сторону, что еще не обложила непроглядная тьма бури.

Ветер дул им в спину, нагоняя волны песка, обжигающего и колючего. Алиса неслась вперед, сжимая под курткой пушистый бочок Чарли. Лис наотрез отказался остаться в пещере и теперь слабо подрагивал в ее руках.

— Говорила я тебе, там безопасней, — шептала Алиса, понимая, что зверек не слышит ее из-за воя ветра. — Лежал бы сейчас у костра, а лучше давно вернулся бы к своим сородичам. Зачем тебе погибать со мной? Дуралей.

Чарли осторожно выгнулся и ласково лизнул тыльную сторону ладони Алисы. На душе у нее стало спокойнее. Она вошла в крутой вираж, помогая Трою страховать Гвен. Та отчаянно пыталась держать высоту, но постоянно заваливалась в сторону, падая в воздушные ямы и поддаваясь порывам ветра.

— Да что с тобой?! — наконец крикнул ей брат.

— Нам нельзя туда лететь, понимаешь? — пролепетала в ответ Гвен, но никто ее не услышал. — Там зло, я чувствую, там опасность...

Выбора у Вестников не было. Буря надвигалась со всех сторон, бушуя, она заставляла их двигаться в глубину пустыни, туда, где не лежал путь первого Вестника, улетать все дальше и от оазиса, и от пещеры. Перед глазами мельтешил подхваченный ветром песок, он забивался в горло даже сквозь плотные повязки, слепил и душил.

Заслоняя рукой лицо, Лин вгляделся вдаль. Ему показалось, что он заметил край скалистой гряды. И правда! Впереди, чуть левее того направления, куда они так бездумно летели, высились скалы, а вместе с ними и возможность укрыться от бури.

— Туда! — закричал он, размахивая руками, чтобы братья разглядели его.

— Что там? — подлетев и отплевываясь, спросила Алиса. — Ты что-то заметил?

— Там скалы!

— Нет, там не было скал. — Крылатая прикрывала лицо от ветра, так и норовившего обдать ее песком. — Я точно помню! Там пустыня.

Она зависла в воздухе, тяжело двигаясь всем телом, ловя крыльями ветер, чтобы он не смял ее подобно листку бумаги, не бросил на землю, ломая кости.

— Нужно приземляться! — крикнула она.

— Нет, на земле нас сразу засыплет, да и как мы потом взлетим?

— Я научу, я знаю как!

— Сразу у всех не получится!.. — перекрикивая шум ветра, ответил ей Лин и устремился в сторону гряды. — Видите скалы? За ними мы и спрячемся. Не отставайте!

Алиса всмотрелась в том направлении, куда так отчаянно стремился Крылатый, и на мгновение ей показалось, что сквозь завесу песка она видит темный скальный склон. Выбора не было, Алиса вздохнула, сплевывая скрипящий на зубах пепел, и последовала за Лином, ведя остальных тем же путем.

Они еще долго летели, кружа и ругаясь. Ветер то отбрасывал их назад, то оттеснял в сторону, осыпая целыми тучами песка, поднятого им высоко в воздух. Но далекие скалы медленно приближались, изредка показывая свои склоны сквозь серую пелену. Вестникам казалось, что еще немного, и они достигнут их, спрячутся от бури, передохнут и решат наконец, что делать дальше.

О нападении на спящих после кровавой ночи варваров и речи больше не могло идти. Гонимые из стороны в сторону бурей, Крылатые не знали, куда их отнесло, как далеко теперь пещера и оставшиеся в ней Вестницы.

— Я больше не могу... — в отчаянии произнесла Гвен.

Голос ее был еле слышен, но Трой успел подхватить сестру.

— Эй! — завопил он, оседая в воздухе под тяжестью двух тел. — Нам нужна помощь!

Лин отвел взгляд от горизонта, где то появлялись, то исчезали очертания скал. Отряд давно должен был оказаться там; даже потеряв счет времени, Крылатый понимал, как далеко они углубились в пустыню, которая никак не желала заканчиваться. Крик Троя словно вывел его из дурмана, он оглянулся: к медленно снижающимся близнецам уже подлетал Освальд, они с Троем донесли ослабевшую Гвен до земли и осторожно опустили ее на песок. Следом за ними приземлились остальные Крылатые.

Буря, лютовавшая в небесах, у земли казалась чуть слабее. Порывы ветра здесь были не так яростны, как в воздухе.

— Давно надо было опуститься! — Пригибаясь от ветра, Алиса добралась до Гвен и потрогала ее лоб. — Вся горит.

Трой как замороженный смотрел на сестру. Мертвенная бледность изменила ее черты, Гвен вдруг перестала быть его отражением, в одно мгновение став осунувшейся и несчастной.

— Что нам делать? — только и смог выдавить Трой.

— Мы должны вернуться в пещеру! — крикнула Алиса. — Там Юли, она сумеет ей помочь.

Подхваченные ветром, ее слова унеслись в пустоту. Прижав к лицу повязку, Крылатая мучительно закашлялась.

— Нельзя тут оставаться, — хмуро сказал Освальд. — Эй, ты! — окликнул он Сэма. — Прикрой ее, пока мы что-нибудь не придумаем.

Великан тяжело прошел по песку, опустился на колени рядом с Гвен, заслоняя ее спиной от особенно яростных порывов ветра, а Трой тем временем осторожно приподнял голову сестры, смачивая ее растрескавшиеся губы водой из фляги.

— Уходите... — чуть слышно прохрипела Гвен, брат с трудом разобрал слова. — Уходите... тут зло.

— Тихо, глупышка, все будет хорошо, — ласково прошептал он, проводя ладонью по щеке сестры. — Сейчас что-нибудь придумаем. Отдыхай.

Сжав ее ослабевшие пальцы на прощание, он поднялся на ноги и, прикрывая лицо от ветра, поспешил к Братьям, чуть в стороне сбившимся в плотный круг.

— Я не знаю, что с ней, — сказал он в ответ на озабоченные расспросы. — Просто ослабела, шепчет что-то про опасность и зло, видимо, жар...

Алиса настороженно поглядела на него:

— Зло, говоришь? Гвен же... умеет чувствовать, да?

Трой кивнул.

— Надо убираться отсюда, — решительно сказала Крылатая. — Немедленно. Сэм сможет донести Гвен до пещеры...

— Знать бы еще, где она, пещера эта, — мрачно прервал ее Освальд. — Или твои скалы, Лин. Где они?

Вестники огляделись по сторонам: вокруг них расстилалась пустыня, серая, унылая и

плоская, а буря хозяйничала в ней, поднимая в воздух целые барханы. Скал не было видно. В мельтешении перед глазами Вестники не могли даже разобрать, в каком направлении они так отчаянно двигались все это время.

Алиса глухо застонала, обхватывая голову руками.

«Этого ты хотел?! — мысленно закричала она, взывая к Алану, со всей силой, что в ней осталась. — Ты хотел проучить нас? Ты проучил! Куда нам идти, укажи путь. Мы больше не нарушим твоих приказов. Гвен умирает, понимаешь? По моей вине. Помоги нам найти дорогу назад!»

Тишина, разносимая ветром, была ей единственным ответом.

Сердце колотилось в груди, сколько бы Алиса ни всматривалась в испуганные лица Братьев, она не видела в их глазах ни единого проблеска надежды на спасение. Крылатые оставались на месте, погружившиеся по колено в сыпучий песок, не знающие, куда им двигаться. Пыльные сумерки быстро набегали, опускались на землю, а солнце, что едва просвечивало сквозь завесу песка, почти опустилось за размытую линию горизонта.

Буря зло хохотала где-то в вышине, она уже решила, куда загонит этих маленьких песчаных букашек, наивно полагавших, что им по силам убежать от нее, повелительницы сожженного мира.

Юли взволнованно вышагивала по пещере.

— Они уже должны были вернуться, — повторяла она, не отрывая взгляда от собственных ног. — Давно должны были вернуться.

Снаружи тускло светило солнце, миновавшее зенит. Скал на горизонте видно не было, его словно припорошили песком, и это пугало Юли сильнее всего.

— Там что-то случилось, — сказала она, выходя на край уступа.

— Отойди, не дай Роща, упадешь, — проговорила Сильвия, не отрывая взгляда от шитья.

— Да как ты можешь быть такой спокойной, Святые Крылатые!

— Оттого, что ты мельтешишь тут, ничего не изменится, милая, — вздохнула Сильвия, чувствуя непреодолимую пропасть между собой и этой юной девочкой, хотя в годах различие их было незначительным. — Успокойся, сядь и просто жди.

— Я не могу сидеть... — Юли снова принялась мерить шагами пещеру.

— Тогда займись делом.

— Все из рук валится.

— Да Роща с тобой, Юли! — прикрикнула Сильви, становясь в этот миг очень похожей на Фету.

Девочка послушно взяла в руки лоскут и принялась штопать его, аккуратно и тщательно, сама не замечая, как успокаивается ее частое дыхание за кропотливой работой.

Но время шло, а отряд не возвращался. На их пути, в той стороне, куда с утренним солнцем устремился крылатый строй, теперь бушевал ветер. Он не мог дотянуть свои пыльные лапы до пещеры, но был в отдалении, изредка забрасывая на уступ пригоршни горько пахнущего песка.

— Там буря, — выдохнула Юли, выглядывая наружу.

От этих ее слов Сильвия вздрогнула, прикрывая рот ладонью с побледневшими

костяшками.

— Что? Что такое? Это очень плохо? — бросилась к ней Юли, но Сильви уже сумела совладать с собой.

— Ничего, ничего, — ответила она. — Они все опытные Крылатые. Они выберутся. Разводи пока костер, да поярче. Может, в сумерках огонь будет виден и сквозь песок, так Братья скорее нас найдут.

Но ее голосу явно недоставало уверенности. В нем слышался страх, прорвавшийся через оборону, что так упорно держала Сильви весь день.

Сумерки наступили быстро. Занятая постоянными указаниями подруги, Юли просто не находила свободной минуты, чтобы снова выглянуть наружу, и не могла увидеть, как устрашающе несутся по пустыне ураганные вихри, как поднимаются в воздух целые песчаные холмы, чтобы с шумом рухнуть вниз. Девушка смела в кучу оставшиеся паутинки розжига, перебрала пайки, заштопала старые рубахи, даже выбила пару спальников, послушно исполняя все поручения суетившейся рядом Сильви.

Но когда дела вдруг закончились, внезапно и резко, Юли наконец услышала нарастающий снаружи вой и медленно опустилась на камни у костра напротив Сильвии.

— Они там, да? В самой буре?

Сильвия коротко кивнула, переставляя плашки.

— Они выберутся, — твердо повторила она. — А ты не накликай иной беды. Это все, чем мы сейчас можем им помочь.

Так и сидели они по разные стороны ярко горящего костра, прислушивались к завываниям ветра, вздрагивая от каждого шороха, и ждали, ждали, ждали...

— Все. Нужно спать, — наконец сказала Сильвия, хлопая ладонью по колену. — Нечего тут высиживать. Укладывайся. Я присмотрю за костром, а ты ложись.

Юли хотела было возразить, но суровые искорки в глазах обычно такой мягкой Сильви заставили ее промолчать. Девочка послушно кивнула, прошла к своему месту и, свернувшись калачиком, притворилась, будто крепко спит. Уж этому в лазарете Юли научилась лучше остального.

Сильвия сидела у костра, старясь держать спину прямо. Ей казалось, что достаточно расслабить плечи, и вся тяжесть понимания придавит ее, сломает кости, сотрет в порошок. И как бы ей сейчас хотелось обернуться пеплом. Ветер подхватил бы ее и понес, чтобы в самый последний миг, становясь уже вечной частью сожженной пустыни, она сумела бы увидеть пропавших Вестников, сумела бы разглядеть Освальда, живого и здорового. Но девочка, упорно делающая вид, что спит, заставляла Сильвию держаться из последних сил, даже тех, что у нее и вовсе не было.

Когда огонь успокоился, а в пещере стало сумрачно и тихо, Юли осмелилась осторожно приподняться. Сильвия сидела, прислонившись спиной к стене, голова ее свесилась на грудь. Она спала, но и во сне лицо Крылатой оставалось мрачным. Юли стало отчаянно жаль свою новую подругу, столько было в ней нерастраченной любви, столько нежности, и как больно та ныла в ней.

Не замечая того, Юли потянулась к Сильви всей этой жалостью, всем теплом своего сердца.

— Спи спокойно, птишка, — прошептала она. — Все будет хорошо.

Сильви глубоко вздохнула, морщина между сведенными бровями разгладилась, лицо посветлело. Она сладко потянулась, опускаясь на камни, и улеглась возле костра. Сон ее стал

легким и приятным. Юли показалось, что она даже видит его отблески — солнечный свет льется в раскрытые окна просторного дома, и маленький ребенок бежит к Сильвии, шлепая по полу босыми ножками.

Невольно подглядывая за самыми сокровенными мечтами подруги, Юли и сама опустилась на лежак, готовая задремать. Ей было тепло и спокойно, хотя за пределами пещеры все еще выла буря, а Вестники, улетевшие на рассвете, оставались у нее в плену. Но волна мягкой силы согревала Юли изнутри.

Ей хотелось верить, что все и правда закончится хорошо, и она поверила в это.

Серебряный свет заполнил ее изнутри, не причиняя боли. Юли попыталась открыть глаза, но мир оставался залитым серебром, в нем больше не было ничего, кроме сияния, чистого, абсолютного. Тяжесть мягко опустилась на Юли, и та расслабленно выдохнула, отдаваясь чужой власти.

[Купить полную версию книги](#)